

ГЕННАДИЙ МЕРКУЛОВ

РОМАН ВЛАДЫКИН

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

В тисках империй

Городская проза

Геннадий Меркулов

**Великий Шёлковый
путь. В тисках империи**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-311.6
ББК 74(2Рос=Рус)6-44

Меркулов Г. А.

Великий Шёлковый путь. В тисках империи / Г. А. Меркулов —
«Издательство АСТ», 2020 — (Городская проза)

ISBN 978-5-17-122343-4

Многие сотни лет Восток и Запад развивались обособленно, имея друг о друге смутные представления. Судьбоносная встреча состоялась в 128 году до нашей эры: посланника китайского императора Чжан Цяня, искавшего на Западе союзников империи Хань, судьба свела с сарматской воительницей Заряной, во исполнение воли Рима искавшей страну, где владеют секретом производства шёлка. Через предательство и плен, сражения с жестокими кочевниками и доисторическими чудовищами отчаянные храбрецы сумели заложить маршрут, объединивший Восток и Запад. Он получил название «Великий шёлковый путь» и просуществовал без малого две тысячи лет. Об этой эпохе остались скудные исторические факты. Тем ценнее тот захватывающий древний мир, который сумели создать авторы в романе. Не удивительно, что эта история уже легла в основу будущего многосерийного художественного фильма. И это лишь начало. Кажется вполне логичным, если через несколько лет Великий шёлковый путь возродится в реальности – ведь уже давно настало время для объединения стран и народов Евразийского континента.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 74(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-122343-4

© Меркулов Г. А., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	36
Глава 6	42
Глава 7	47
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Роман Владыкин, Геннадий Меркулов

Великий Шёлковый путь

В тисках империи

Авторы благодарят за помощь в издании книги:

Агентство инвестиционного развития Новосибирской области и лично Генерального директора Зырянова Александра Сергеевича Группу компаний «МостГеоЦентр» и «Туркмен-ГеоКопри» и лично директора Остапенко Сергея Николаевича

Отдельную благодарность авторы выражают Буйнову Юрию Павловичу

Авторы благодарят за творческую помощь в работе над книгой Людмилу Селинскую, Вячеслава Рыбакова, Игоря Лебедева

Серия «Городская проза»

© Текст. Геннадий Меркулов. Роман Владыкин, 2020

© Иллюстрации. Дручинина Ирина, 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*В ковьяльном море по колено,
стоит забытый истукан.
Он помнит битвы, ужас плена,
разящий меч, тугой аркан,
солёный вкус горячей крови
из вен степного жеребца...
Он помнит все! Быть может, кроме
веками стертого лица.*

Глава 1

Плен – не Повод для смерти

Хуннская кочевая держава, Великая степь

1

Весною степь – зеленый, щебечущий, поющий рай.

Осенью степь – поднос из оплавленного золота, забытый у ложа сыто засыпающего солнца. Зимой степь – белый ад.

Ветер, насадно крича, вырывает душу. Трескается кожа на руках, трескаются до крови губы. Чтобы согреться, готов живым спрыгнуть в могилу. Но не дают. Неволя.

Десять лет в неволе посреди степи – это много или мало, долго или коротко?

Впрочем, везде люди живут. Мучаются. Терпят несправедливость. Трудятся в поте лица. Заботятся о детях и родителях. Готовы жизнь отдать за тех, кого любят. Радуются, когда могут. Одни сеют, другие пасут – подумаешь, велика разница! «Поразительно, как похожи бы оказались люди, как легко им было бы понять друг друга, – не раз думал Чжан Цянь, – если бы не соблазн жить за чужой счет».

Иногда кажется, будто все, кто не хочет убивать и мучить, – члены одной семьи, воспитанные одним незлобивым, трудолюбивым, заботливым отцом и одной ласковой, хлебосольной, плодovitой матерью. А те, кто убивать и мучить хочет, – пришлые чужаки, нелюди, которых в качестве испытания послало людям Небо, как посылает саранчу, неурожай или мор. Для одних доблесть – что-то сделать. Для других доблесть – отнять это что-то у тех, кто сделал.

«Лунь юй» повествует, как один из учеников великого Конфуция пожаловался: «У всех людей есть братья. Только я совсем одинок». Другой ответил: «Если совершенный муж с уважением относится к другим людям, соблюдая при этом надлежащие нормы поведения, тогда для него в пределах четырех морей все люди – братья».

Ах, если бы!

Хуже и обиднее всего, что те, кто создает, – всегда бедняки и чернь, а все, кто отнимает, – всегда богачи и знать. Неужели именно таков жэнь-дао – путь, которым от века обречены брести люди?

Или такова и впрямь воля Небес и любой, кто пойдет против нее, лишь наворотит еще больше неурядиц и увеличит количество страданий?

Ответ знает только Небо...

Однако, как бы ни жил человек, он либо принимает свою жизнь и лишь старается ее улучшить, насколько позволяют совесть и обстоятельства, либо сходит с ума. Это верно и на римской вилле, и в юрте кочевника, и в императорском дворце, и в землянке раба.

Даже в рабстве, если душа продолжает жить, она способна к любви, к нежности, способна видеть свет и светить другим.

Душа Чжан Цяня уцелела. Во всяком случае, пока.

Тот день поначалу был обычным, одним из бесчисленных однообразных дней, составивших нынешнюю жизнь, которая Чжан Цяню частенько казалась чужой, не его.

А ведь дипломат сумел устроиться куда вольготнее, чем те из сопровождавших его воинов и слуг, что уцелели после предательской ночной атаки. Потому что даже хунну нужны люди, знающие язык великой империи Хань.

Один из местных владык подобрал для него пару десятков молодых воинов, которым несостоявшийся посол пытался растолковать тонкости ханьского произношения и умения

строить фразу. В другое время и в другом месте Чжан Цянь беззлобно, но от души смеялся бы над их потугами правильно произнести слово, обозначающее столь любимую степняками лошадь; вместо «ма» в нужном тоне у них получалось то «ма» в тоне восходящем, что обозначало коноплю и, стало быть, намекало на дурные привычки, то в нисходящем, что обозначало брань и, значит, вообще никуда не годилось. Но здесь было не до смеха. За то, что ученики были нерадивы или несмышлены, спрашивали не с них, а с него. И не словом, а кнутом.

Чжан Цянь идет по то начинающей по-весеннему размякать, то снова смерзающейся земле и думает в который раз: «И это они называют городом?» У него на языке вертелось слово «стойбище». И это они называют улицей? Для него она была просто длинным пустырем между беспорядочными нагромождениями убогих строений и шатров...

А вот и сянь-ван – по родовитости третий князь в иерархии хунну. Глаза бы не глядели... Тучный, в одеянии, считающемся здесь богатым и роскошным: шкуры, шкуры, шкуры, чтобы не замерзло жирное брюхо, – едет верхами куда-то по своим важным государственным делам: то ли взыскивать недоимки, то ли казнить кого-то. Заметил, тварь... Поворотил коня. Чжан Цянь загодя натягивает на лицо подобострастную придурковатую улыбку.

Снова треснула губа. Капелька тут же проступившей крови ощутимо задрожала на ледяном ветру.

Ворс на одеянии сянь-вана тоже треплет ветер. То встопорщит, то пригладит... У нас – кровь, у них – мех.

– Куда направляешься, ханец? – сидя в седле очень прямо, почти заваливаясь назад, чтобы выглядеть бравым и молодым, спрашивает сянь-ван.

Чжан Цянь почтительно кланяется.

– Выполнять повеление могучего сянь-вана, – отвечает он.

– Это хорошо, это правильно. Учатся мои люди?

– Учатся, великий сянь-ван.

– Скоро научатся?

– Скоро, великий сянь-ван. Думаю, через двадцать лун они заговорят.

– И это ты называешь скоро? – рука кочевого вельможи сама собой тянется к плетке. Но он сдерживается.

– Двадцать лун... Почему у вас такой сложный язык, Цянь?

Чжан Цянь снова улыбается. Губа трескается в другом месте. На ветру дрожат уже две капли крови.

– У тех, кто копошится в земле, всегда есть время поговорить, а для кочевника стрелы лучше любого разговора!

Сянь-ван доволен. Лицо его, теряющееся в мехах воротника и шапки, расцветает улыбкой. Так мог бы улыбаться завернутый в соболью шкуру шмат свиного сала.

– Вот за что тебя ценю, ханец, так это за речи твои, – честно говорит вельможа. – Похлеще рисового вина будут!

– А кстати, – говорит Чжан Цянь, будто вот лишь сейчас осененный этой мыслью. – Сянь-ван, я прихвачу кувшин? Учеба лучше пойдет!

Сянь-ван смеется.

– Бери! Только не разбалуй их слишком. Привыкнут к вашему вину – в Хань захотят! Придется всем ломать хребты!

От души пошутив, сянь-ван разворачивает коня и неторопливо, шагом уезжает прочь. Куда ему торопиться?

2

Подойдя к ближайшей лавке, Чжан Цянь берет кувшин вина. Торговец пытается его остановить. Чжан Цянь изображает надменность, хотя она противна ему так же, как и недавнее подобиострашие. Жизнь – это маски. В них душно, в них тошно, нестерпимо хочется хоть недолго побыть настоящим, но без них ты непонятно кто, ты невидим, ты вне игры.

– Вздумал послушаться великого сянь-вана? Он позволил мне! Прочь с дороги!

И с кувшином в руке быстрым шагом идет к большому, стоящему наособицу шатру. Когда до шатра остаются считанные шаги, охранник у полога, закрывающего вход, затверженным движением выдергивает из ножен меч и останавливает гостя касанием железа о горло.

– Раб, ты знаешь, кто там?

Чжан Цянь невозмутимо отодвигает клинок в сторону свободной рукой.

– Это для наложницы царя Парканы. Я принес вина!

– Оставь вино и убирайся.

– Это ханьское вино. Мне велено передать из рук в руки. Ты же все выпьешь сам, я знаю.

– Я не могу тебя пустить, раб.

– О, я не просто раб. Понимаешь, я евнух. Лишен мужской силы, так что не представляю никакой угрозы для женщин.

– Сказать-то можно что угодно... – теряясь, ворчит стражник.

Чжан Цян скорбно улыбается и спрашивает:

– Показать?

Охранник морщится и, вгоня меч в ножны, отступает в сторону.

Чжан Цянь деловито заходит внутрь и видит с десяток женщин, которые с испуганным визгом прячутся друг за друга. Служанки. Ему нет до них дела. За их спинами, в противоположном от входа краю шатра, полог, отгораживающий часть пространства от посторонних глаз, и Чжан Цянь напрямик идет туда.

Вот и она. Девушка неземной красоты, белая, как здешний кумыс; волосы – вызолоченный солнцем колышущийся ковыль, глаза – горные озера, полные неба. И имя у нее неземное: Млада. Ханьцу нипочем не выговорить такого; как он ни старается, выходит: Мелода. И если назвать ее так, нашему уху в ее имени слышится и мед, и мелодия... Это неспроста. Она сладкая, как мед; нет, слаще меда. Она – мелодия.

Кто ее пленил, откуда она взялась?.. Долгая история. Эту историю она когда-нибудь расскажет ему. Когда они оба будут свободны. Женщины любят рассказывать, а девчонки – вообще трещотки, хотя это их совсем не портит. Но не сейчас. Сейчас на рассказы нет времени. Увидев входящего Чжан Цяня, она кидается ему на шею.

– Как тебе опять удалось?

– Сказал, что я евнух.

Она смеется.

И он вторит ей.

– А что? Эта история безотказна. Для них увидеть чужой лотосовый бутон – дурной знак. Поэтому предпочитают верить на слово...

– Предпочитаю видеть, – с бесстыдством безоглядно влюбленной юности говорит она.

Вообще-то сам шаньюй предназначил необыкновенную полонянку в дар одному из союзных владык. Поэтому девочке многое позволено, но и берегут ее как зеницу ока. А девственность ее берегут и вовсе пуще глаза; ведь если потом новый хозяин обнаружит, что товар подпорчен, не сносить голов ни послам-дарителям, ни подарку. Так что даже Чжан Цяню вот это, чего так хотят все мужчины, ни-ни.

В летописях потом напишут, что хунну, пока Чжан Цянь был у них в плену, дали ему, чтобы не скучал, жену, тоже хунну по крови, от которой он успел прижить детей. Если бы летописцы знали правду, они бы поумирали от зависти.

Пой, сердце, пой.

– Мелода...

И произошло то, что раньше или позже не могло не произойти.

Чуть захмелевшая Млада как раз принялась показывать вполне хмельному Чжан Цяню, как в ее родных северных краях танцуют девушки, призывая весну, когда полог резко подался в сторону и в сокровенную часть шатра вошел, сразу остановившись на пороге, Ичисс – один из двух лули-ванов, вельможа, выше которого были лишь два сянь-вана и сам шаньюй. Коренастый, крепкий, мохнатый от полных вшей мехов. Кто знает, что за бес попутал его заявиться сюда ни с того ни с сего; может, сам хотел потискать молодую красавицу, пока перевалы еще покрыты снегом, а может, кто-то донес ему о творящемся непотребстве. Млада будто окаменела; руки ее, вздетые было к потолку шатра, бессильно упали. Сидевший на кошме Чжан Цянь почтительно встал. Лули-ван несколько мгновений озирал происходящее из-под надвинутой на самые брови тяжелой шапки.

– Ты не похож на евнуха, ханец, – наконец говорит Ичисс.

– Показать? – снова пытается сыграть на тех же струнах Чжан Цянь, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Не трудись, – отрывисто бросает лули-ван. – Не рискуй. Со мной мой меч, и, если я замечу что-то лишнее, твоя сказка тотчас же станет былью.

Млада невольно вскрикивает. Ичисс довольно скалится.

– Девчонка знает, что там? – говорит он.

– Девочка просто боится оружия, – простодушно отвечает Чжан Цянь. – Она показывала мне танцы ее народа, а я учил ее танцам Хань, чтобы она могла радовать будущего господина разнообразно.

– Не трудись, – повторяет Ичисс. – Врать ты горазд, но впредь вранье тебе не поможет. Иди со мной. Тенгри ждет тебя, и его уж не обманешь и не обольстишь.

На выходе из шатра Чжан Цянь успеваает увидеть, что охранник, столь беспечно пропустивший его внутрь, лежит на земле и кровь еще вытекает из его перерезанного горла. Потом, уже не сдерживаясь, лули-ван пихает Чжан Цяня в спину так, что ханец едва не валится наземь. Ичисс делает призывный знак воинам своей свиты, ждавшим на ветру, обдирающем, как точильный камень, и показывает на Чжан Цяня. Те хватают его и волокут на окраину поселения, к просторному пустырю, где со змеиным шипением летят струи поземки.

Вот и еще один знак богов, еще одно совпадение. По краю пустыря с одинаково понуро опущенными головами стоят на коленях другие обреченные. Чжан Цяня швыряют в конец шеренги – и рядом с ним оказывается еще не старый, но уже седой как лунь ханец. Чжан Цянь будто в тумане, но ханьца он узнает – это один из младших офицеров того охранного отряда, что сопровождал его посольство при выходе за Великую стену. Похоже, и тот узнал посла. Губы его начинают трястись, на глаза наворачиваются слезы.

– Вы живы, господин... Вы тоже все еще живы... вы узнаете меня? Я – Дэ Мин...

– Я не помню твоего имени, но я тебя узнал, – говорит Чжан Цянь.

– Простите... То была измена...

– Я знаю, – говорит Чжан Цянь спокойно. – Много наших еще живы?

– Не знаю, господин... Кажется, всего лишь трое... Кого не убили сразу, те умерли здесь.

Великое Небо, как же рад я вас видеть! Хоть перед смертью... Не чужое лицо...

– Я тоже рад, – искренне говорит Чжан Цянь.

И тут же морщится от боли. Его память, словно на степную колючку, натывается на картину другой казни. В той, прошлой жизни. Когда он, молодой чиновник, только что получив-

ший должность лана, томился без каких-либо конкретных поручений, а его кипучая натура рвалась к подвигам во имя императора!

Цянь крепко зажмуривает глаза, словно пытаясь выдавить шип из своего мозга, но воспоминание становится только ярче.

3

Еще вчера у этого молодого офицера было имя, подаренное заботливыми родителями. Сегодня он его не помнит, а лишь ползет по топкому болоту мучений, примечая впереди игристые огоньки. Это смерть. Судьба уготовила ему долгий путь к облегчению. Кругом вода и тина, кишущая мучительной болью...

Чжан Цянь сидит на корточках и пытается заглянуть в глаза узника. Его тело закопано в землю, торчит лишь голова, над которой установлено нехитрое приспособление с горлышком, откуда с вселенским спокойствием падают капли ледяной воды. Влага пронзает темечко несчастного юноши. Медленно, с точностью мясника, жидкость отделяет дух от плоти.

– За что его? – Чжан Цянь зачем-то пробует воду на вкус, растирая ее по узловатому пальцу.

– Сбывал шелк нашим врагам.

Старик Ксу за свою долгую жизнь видел, наверное, больше сотни таких смертей, и они не трогают его рыхлое сердце.

– Я знаю его. Мы вместе учились в столичной школе Тай Сюэ. Он не мог. Нужно поговорить с императором!

– Ты с ума сошел? Зачем? – устало зевает евнух. Погода портится, и больные суставы зовут его в кровать.

– Затем, чтобы в следующей жизни не оказаться на его месте!

Чжан Цянь хорошо помнит тот день, когда он воспользовался привилегией лана лично обратиться к императору.

Длинные коридоры с норами темниц и белыми торчащими пальцами хрипящих узников, а потом божественный свет. Солнце будто намеренно расположилось за головой императора ровно так, чтобы слепить его собеседников оранжево-искрящим нимбом с нотками весенних цитрусов. Но у светила есть тень. Это не затмение и не облака. Это Ван Куй.

– Да как ты смеешь? – тень говорит громко, поставленным командным голосом.

– У подножия трона вашего ничтожный Цянь ручается за Мю Цзы! – Чжан Цянь старается не смотреть в бойницы глаз Ван Куя, будто прячась от невидимых стрел. – Я поговорил с приграничными толмачами. Все они в один голос утверждают, что шелк течет к хунну не ручейками, а рекой.

– Что значит рекой? – юный император рассматривает свой длинный изящный ноготь на мизинце, прищуривая один глаз.

– Значит, кто-то сбывает кочевникам шелк крупными партиями! – Цянь бросает взгляд на Ван Куя, чья рука уже блуждает по рукоятке меча.

– Да ты... – Ван Куй багровеет, как закат над Великой стеной.

– Постой. Ты обвиняешь моего генерала? – император резко кусает ноготь и щелкает пальцами. Солнце скрывается за полупрозрачной дымкой марева.

– Нет. Как я могу?.. Я лишь жажду справедливости, господин. Река слишком быстрая и бурная, и ее не остановить забрасыванием камнями, – Цянь зажмуривается, выбирая слова. Он уже не рад, что пришел к луноликому и помешал его покою.

– Хорошо. Я отменю казнь, и камень не полетит в реку. Но подумай, если будет много камней, образуется запруда. А значит, вода остановится и мы решим проблему. Не так ли?

Уди ежедневно берет уроки красноречия у смешного плешивого старика откуда-то с юга. Но ему определено не с кем ткать кружева мыслей. Ван Куй для этого не годится.

– Величайший император прав. Много камней образуют запруды, но вода в реке будет стоять, а потом начнет гнить. Это хуже для всех!

– Получается, выхода нет? – Уди наклоняется к Цяню, обдавая его своим терпким мятым дыханием.

Ван Куй расплывается в улыбке. Даже он понял, что следующим камнем в его реке окажется сам Чжан Цянь.

– Есть! – Цянь восклицает столь громко, что даже глухой Ксу вздрагивает. – Нужно изменить русло реки! Хватит кормить посредников. Пусть шелк приносит сказочно большую прибыль казне Сына Неба!

– Интересно... Я слушаю, Цянь, – император становится серьезен.

Прошло менее трех лет, как подросток стал седьмым императором империи Западная Хань в Китае, но он уже знает, что такое груз ответственности и неизбежно связанный с ним груз власти. Его ответственность за страну абсолютна, ведь любая правительственная недоработка может вызвать гнев Неба и тем самым наводнение, засуху, мор, голод. Стало быть, абсолютной должна быть власть. Но власть осуществляется через людей, а люди есть люди. Порой они подчиняются вдовствующим императрицам, бабушке Доу и матери Ван, а порой лишь делают вид, будто подчиняются, и поступают по-своему. Поэтому он не доверяет никому. Ни цепко держащимся за власть старым чиновникам, ни заносчивому генералу Ван Кую, утверждающему, что только его стараниями орды кочевников до сих пор не прорвались за Пурпурную границу – крепостную стену, отделяющую Срединную империю от Великой степи. Пожалуй, только верному слуге Ксу, воспитывающему Уди с первых дней жизни.

– Я говорю про юэчжей. Это «лунные люди» с запада. Они торгуют с землями на закатной стороне, где наш шелк ценится дороже золота!

Глаза Уди возбужденно вспыхивают.

– Что ты знаешь о них?

– Долгое время хунну подчинялись юэчжам, но более трех десятков лет назад их шаньюй Лаошань разбил «лунных людей» и прогнал их далеко на запад. Они прошли «висячий мост» Луковых гор и обосновались где-то в бескрайних степях закатного солнца. Это великие воины. Их и только их боялись хунну, – Цянь пытается смочить слюной пересохшее от волнения и зноя горло. Ксу это замечает и любезно протягивает Цяню кувшин с водой. Он всегда наперед знает реакцию юного императора. Гнева не будет, равнодушие – тем более. Уди захватывают мысли Цяня. Молодость щедра на авантюры!

4

А дальше в жизни Чжан Цяня появится Гань – человек отталкивающей внешности, чьи татуировки напоминают узоры фруктового сада, убитого ранними морозами. Он был когда-то рабом у хунну, у рода Таньги, а где и от кого он родился, к какому народу принадлежит – он и сам не ведает, поэтому тоже считает себя хунну. Так проще. Он стреляет из лука точнее, чем выбирает выражения.

– Будь осторожен с этим бесом степи, – Ксу внимательно наблюдает за Ганем, снаряжающим такого же сухого коренастого жеребца, как и он сам.

– Тогда зачем мне его дали? – Цянь смотрит в небо. Пойдет дождь, значит, нужно спешить.

– Чтобы ты боролся со страхом, – Ксу снова зеваает, лоя взглядом зарницу на горизонте. – Если ты боишься, значит, тебя победили!

– Не победят! – Цянь похлопывает Ксу по плечу. Скорее всего, он его больше не увидит. Либо сам не вернется из самоубийственно опасного путешествия в неизвестность, либо Ксу зевнет последний раз и навсегда закроет свои мудрые пятнистые глаза.

В тот вечер дул сильный восточный ветер. Он словно торопил Цяня и его спутников поскорее утонуть в закате, как маленькие беспомощные гли растворяются в крепком красном вине. Цянь ехал, словно пьяный, вдыхая вместе с цветочной пылью новую жизнь.

Даже не услышав, а почувствовав в завывании ветра свист, он тянется к рукоятке фамильного меча, но не успевает. Стремительно, точно кусающая змея, Гань делает движение кистью – и руки посла туго стягивает умело накинута ременная петля.

Вой ветра становится громче, в глаза бьют холод и отсветы пляшущих на ветру факельных огней.

– Добро пожаловать в Великую степь, господин, – говорит Гань и внезапно улыбается. Не вдруг поймешь, что это улыбка. Так улыбаются медведи.

Чжан Цянь видит под яростно звездным небом всадников на низкорослых степных лошадях и аккуратно выложенных бок о бок, точно заготовленные на зиму дрова, воинов своего посольства с перерезанными глотками. У некоторых кровь еще сочится. Поодаль понурые, потрясенные, нанизанные, точно медные монеты, на одну веревку, те, кто уцелел и теперь обречен на рабство.

Ксу недаром называли мудрецом. Нельзя бояться. Они оба знали, что, оказавшись среди соплеменников, Гань предаст своего спутника. И он сделал это. Как-то обыденно и незаметно. На долгие десять лет плена без глотка крепкого красного вина...

5

– В конце концов шаньюй сделал из черепа вождя юэчжи чашу и пил из нее кровь и вино. Помни это, когда будешь искать путь на Запад, – последнее, что сказал на прощание Ксу.

Все! Людей поднимают, разделяют и строят в две шеренги. Верхом подъезжает местная знать; Чжан Цянь понимает, что во главе небольшой кавалькады видит самого шаньюя. Того зовут, Чжан Цянь помнит, Цзюньчэнь. При других обстоятельствах шаньюй, наверное, понравился бы Чжан Цяню: он основателен, сдержан, у него неглупое лицо, внимательные глаза. Но сейчас ханец может лишь бессильно ненавидеть.

Смеркается.

– Южане! – кричит шаньюй. Ветер срывает пар дыхания с его губ. – Вам выпала большая честь! Великий Тенгри жаждет жертвы. Некоторые из вас удостоятся чести уйти к нему на небеса! Но, чтобы жертва оказалась угодной, вам предстоит изобразить небеса здесь, на земле!

Один из стражников, не говоря ни слова, внезапно взмахивает мечом. Ближайший к нему пленник валится наземь; его голова, вразнобой дергая мышцами лица, подскакивая на неровностях и оставляя за собой дымящийся кровавый след, катится под ноги одной из шеренг. Шаньюй указывает на голову плетью.

– Это – солнце. Вы – ветры. Солнце в вашей власти. Там – восход, – он указывает на один край поля, где хлопают на ветру желтые флаги, – там – закат, – и указывает на противоположный край, обозначенный синими флажками. – Один ветер гонит солнце к закату, другой – к восходу. Кто победит – свободен, кто проиграет – уйдет к Тенгри!

Стражник нагибается, поднимает за волосы успокоившуюся, переставшую гримасничать голову и сует ее в руки Чжан Цяню. Потом с силой бьет его плетью, чтобы понял и не сомневался: вперед. Ханец с тоской озирается. Остальные пленники с воделением глядят на трофей в его руках; видно, что мысли у них всех одинаковы и просты: отобрать. Каждый прикидывает свой маневр, и больше им уже ни до чего нет дела. Они смотрят на ханца и медленно смыкаются впереди – преграждая дорогу, и сзади – надеясь перехватить голову у Чжан Цяня

и самим бросить ее под флажки востока. Дэ Мин, еще недавно плакавший от одного лишь вида родного лица, стоит напротив Чжан Цяня и широко растопыривает жилистые руки: не пройдешь. Чжан Цянь делает шаг, потом другой, потом постепенно переходит на бег. Кто-то из противников кидается ему под ноги, но Чжан Цянь перед падением успевает перебросить еще кровоточащую голову вперед и влево обогнавшему его игроку его команды. Но тот неловок или вообще потерял разумение; голова пролетает мимо его плеча, он даже не дал себе труда попытаться ее поймать, только бежит и кричит. Голову перехватывает противник, и вот игра уже пошла, что называется, в другие ворота. Смертельная игра. Игроки бьют в лицо и в пах, зубами впиваются один другому в горло...

Цзюньчэнь сидит на коне и с интересом наблюдает за схваткой. Его приближенные и воины свиты оживленно комментируют игру, цокают языками, смеются.

Голова опять прилетает к Чжан Цяню. Тот пытается сделать рывок к востоку, но сзади на него наваливается кто-то тяжелый, с нечистым дыханием, и Чжан Цянь снова падает, роняя страшный снаряд.

Это Дэ Мин. В исступлении он начинает душить соотечественника, бормоча жалко и страстно, словно безумец:

– Прости меня, господин... Прости... Я жить хочу...

Чжан Цянь из последних сил сбрасывает его цепкие жилистые руки.

– Ты! – тоже почти безумец, кричит Чжан Цянь. – Это был ты!

Голова летит на закат. Чжан Цянь и его команда проиграли свои жизни.

Проигравших гонят к святилищу. Степной ветер так резок и остр, что, кажется, выгрызает внутренности, точно изголодавшийся зверь. Посреди святилища высится громадный уродливый череп с разинутой пастью, из которой давно выкрошилась половина зубов, огромных и острых, как изогнутые кинжалы, – останки какого-то невиданного допотопного зверя. Много веков спустя дотошные ученые назовут таких зверей тарбозаврами, но сами звери этого уже не узнают и их черепам будет все равно. А душам тех, кого зарезали, чтобы окропить зубы вымерших чудовищ человеческой кровью, и подавно.

Шаньюй Цзюньчэнь спешивается. Вокруг – громадная толпа хунну. Пленников ударами плетей ставят на колени. Кто-то бессильно молчит, кто-то стонет от переломов и ран. Цзюньчэнь достает меч и, высоко подняв его, кричит протяжно и страшно, изо всех сил напрягая голос, чтобы, несмотря на ветер, его слышали все.

– Именем деда своего, великого Модэ, именем золотого рода Цзюньчэнь и всего народа «четырёх рогов»! Великий дух неба Тенгри! Храни нас! Даруй нам могущество и богатство! Не оставляй нас без побед!

Легко, как мальчишка прутиком сбивает головку одуванчика, шаньюй летящим ударом перерубает шею первой жертве. Голова не отлетает, задумка иная: она сваливается набок, точно крышка кувшина, а из открывшейся настежь артерии хлещет на зубы чудовища алый выплеск. Точно это сам ящер скусил голову двуногой козявке. Точно он теперь насыщается властью.

Пинком к голове ископаемого зверя подгоняют следующего. Шаньюй уже не утруждается: мелькают сразу несколько мечей стражников, те входят во вкус.

И тут Чжан Цянь кричит, стараясь привлечь внимание повелителя хунну.

– Великий шаньюй, подобный небу! Образумь своих не в меру усердных слуг! Ровно десять душ требует Тенгри! Ни единой больше! Перестарайся, и Орхон выйдет из берегов!

Цзюньчэнь, уже подошедший было к своему коню, чтобы вернуться в седло, ошеломленно оглядывается, а потом, дернув губой, жестом приказывает стражникам остановиться. Толпа недоуменно гудит. Шаньюй возвращается в святилище. Взглядом выхватывает Чжан Цяня из сразу шарахнувшихся от ханьца остальных проигравших; те даже сейчас боятся привлечь к себе внимание сильных мира сего больше, чем бесславной смерти в общем потоке.

Смерть привычнее, смерть проще, смерть незаметнее. Все хотят быть незаметными, когда свистит ее коса, даже если она косит именно их.

Владыка подходит к окровавленному Чжан Цяню. Несколько мгновений меряет его пристальным, испытующим взглядом узких умных глаз. Потом спрашивает:

– Кто ты такой? Откуда знаешь наши законы?

– Ханьский посол. Десять лет в плену. Обучен языкам и боевым искусствам. Нет смысла убивать. За меня дорого дадут.

Напряженный взгляд шаньюя сменяется почти добродушным. На обветренных узких губах проступает улыбка.

– Ты прав, ханец! – говорит властитель. – Нам не нужен потоп. Идем со мной, расскажешь, к кому и когда ты ездил послом.

6

От неожиданного толчка в спину Чжан Цянь силится устоять на ногах, но, поскользнувшись на шмате курдюка и позорно пропахав носом по вонючей кошме, больно бьется головой об огромный котел, висящий в центре юрты, чем вызывает взрыв хохота пирующих. Вот шаньюй заходится в смехе, в восторге от выходки своего нукера. Рядом откинулся на спину и дрыгает ногами его сын и наследник, молодой Юйдань. Хрюкает, как сытый хряк, колыхаясь необъятным брюхом сянь-ван, и даже Ичисс скалит желтые зубы в волчьем оскале.

– О! Вот и наш герой! – Цзюньчэнь делает большой глоток из черепа, обрамленного серебром в пиршественную чашу, чтобы унять икоту, взявшую его от неудержимого смеха. – Твой поступок сегодня восхитил многих.

Чжан Цянь молча кланяется и садится в угол, куда ему указывает нукер. Вокруг шаньюя вольно раскинулись порядка двадцати представителей хуннской знати. Они уже наелись разварной баранины и теперь, потягивая рисовое вино, жаждут развлечения.

– Говорят, ты десять лет тут околачиваешься. Ты умеешь драться и никакой не евнух, – продолжает шаньюй.

– Когда-то он был вельможа, – подтверждает, пьяно улыбаясь, сянь-ван.

– Да. Я служил при дворе, но теперь служу Великому шаньюю. Я веду учеты и...

– И проверяешь «товар», да? – хихикает, перебивая его, Юйдань. – Проверяешь снаружи и внутри, так? Особенно женщин?

– Ну, это легкое преувеличение, – скромно кланяется Чжан Цянь.

– Ха! Давай-ка узнаем, герой... – Ичисс пьяно жестикулирует и, не замечая, опрокидывает чашу с вином. – Давай, «проверь-ка» десяток рабынь за одну ночь!.. А если не уверен, то, может, опять сыграем в мяч с твоими соплеменниками? Кто выиграет, будет твоим помощником, а?

Лули-ван снова заходится в хохоте, пока съеденная еда не начинает идти в обратную сторону.

Чжан Цянь встает и низко кланяется шаньюю. Потом, уже не так низко, но подчеркнуто почтительно – заблеванному непереваренной бараниной Ичиссу, ни единым жестом не выдавая свое омерзение и держа тон:

– Я должен отказаться, господин! Я уже говорил, что то, что случилось с северянкой, было недоразумением... Учитель Конфуций сказал: «Единственная настоящая ошибка – не исправлять своих прошлых ошибок».

– Ладно говоришь, ханец! – Цзюньчэнь отрезает ухо от бараньей головы, лежащей перед ним на золотом блюде, и кидает его Чжан Цяню. Слава Небесам, поймал! Иначе пришлось бы, как псу, поднимать с пола. Ни на секунду не расслабляться! Чжан Цянь с благодарностью подносит руку к сердцу.

– Ладно? – Ичисс психует, стряхивая с груди блевотину и вытирая ладонь о жирные волосы, заплетенные в толстые тугие косы. – Слушай, брат, тебе, может, по душе эта болтовня... а я его поймал – он собирался ее испортить...

Шаньюй, улыбаясь, перебивает:

– Пока ты сам не успел, да?! Ха! Она уже на дороге в Паркану – так что остынь, младший брат! Держи свою ярость в седле... Тебе еще рабынь надо?

– Отдай его мне. Продам его туда же, в Паркану, и куплю себе стадо рабынь. И буду... – лули-ван яростно пытается поразить соплеменников широтой воображения. – Буду за ночь покрывать каждую! Так ли, ханец?

– Драгоценный камень нельзя отполировать без трения! – невозмутимо отвечает Чжан Цянь.

Хунну дружно смеются, сгибаясь пополам и фыркая, как лошади.

– Я бы оставил тебя, ханец. Да мой брат тебя загрызет! Или камнем своим... – вождь хунну не договаривает и валится на пол, покатываясь от смеха.

7

Едва живой от физической усталости и нервного напряжения, идет Чжан Цянь, пошатываясь, из шатра владыки. И тут его хватает за горло Ичисс.

– Ты остался жив и опозорил меня, ханец, – цедит сквозь зубы вельможа. Чжан Цянь еле слышно сипит. – Я не убью тебя сам, много чести для презренного чужака. Но я не дам тебе жить. Ты понравился шаньюю. Не хватало еще, чтобы вы подружились!

Он слегка ослабляет хватку. Чжан Цянь со стоном, хрипом и бульканьем втягивает воздух, пытаясь перевести дух. Ичисс, держа его за плечи, разворачивает вбок. Перед Чжан Цянем стоит Гань. Тот почти не изменился. Еще чуть заматерел, еще чуть раздался в груди и плечах, еще добавилось морщин и складок на лице. Ичисс скалится.

– Узнаешь?

Гань, не моргая, бесстрастно глядит бывшему хозяину в лицо.

– Да... – хрипло говорит Чжан Цянь.

– А ты узнаешь бывшего повелителя? – спрашивает Ичисс. Гань молча кивает. – Ты много лет жил и там, и здесь. Скажи, где лучше?

– Великий лули-ван, я сын степей! – отвечает Гань с несвойственным ему пафосом.

– Что ты чувствуешь к этому человеку? – Ичисс показывает на Чжан Цяня.

Гань и Чжан Цянь снова долго смотрят друг другу в глаза. Потом Гань пожимает плечами.

– Что я могу чувствовать? То же, что к овечьему катышку на дороге. К воробью в кустах. К зайцу в поле.

– Тебе можно доверять?

– Конечно, великий лули-ван.

Ичисс протягивает Ганю плетку.

– Ну-ка, ударь его хорошенько. Поквитайся наконец. Ты был у него в неволе. Или забыл?

– Такое не забывается, – медленно отвечает Гань, и эта фраза звучит как-то двусмысленно. Не забывается плохое, но и хорошее порой тоже не забывается. Однако двусмысленность ускользает от упоенного собой вельможи.

– Тогда бей!

Гань берет плетку и без колебаний наносит несколько сильных ударов крест-накрест. Он бьет всерьез, наотмашь. Чжан Цянь едва успевает прикрыть лицо руками. Кожа на тыльных сторонах ладоней сразу повисает сочащимися кровью лохмотьями.

– Хорошо, – говорит Ичисс. – Знаешь, посол... Караван с подарками и девчонкой уже ушел в Паркану.

Действительно, давно собранный и готовый, лишь ждавший прихода весны караван шаньей поспешно отправил уже нынче днем, чтобы не рисковать рабыней. Слишком уж лакомым кусочком она, похоже, оказалась, не ровен час, очередной хитрец или очередной князь таки доберется до ее лона раньше того, кому это положено. В конце концов, пусть идут уже, а пока медлительная вереница доберется до гор, глядишь, перевалы уже и откроются.

– Ты возьмешь этого человека, – продолжает Ичисс, – и нагонишь караван. На первом же рынке ты продашь его.

– Продам, – равнодушно соглашается Гань.

Ичисс издевательски скалится. Ему нравится унижать людей, по капле выдавливать из них человеческое, делать трусами и подлецами. Это легко и сладко. Очень легко и очень сладко. Нет удовольствия большего, чем превращать человека в мразь.

– Не жалко будет продавать бывшего господина? – спрашивает Ичисс.

Гань снова пожимает плечами.

– Жалко будет, если продешевлю.

Ичисс от души смеется. Ему нравится ответ.

– И подбери ему такого хозяина, чтобы порол посла за любую промашку. Пусть у него кожа болтается клоками, пусть никогда не заживают рубцы. Пусть страх каждую минуту разъедает его душу.

Глава 2

Степная волчица

Римская республика, Пергам – столица провинции Азия

1

На большом дворе пахнет животными испражнениями и человеческим страхом. По одну сторону, в тени известковых стен, беспокойно мечутся по клеткам львы – в калейдоскопе мелькающих грив заметны матерые хищники в шрамах на выцветших шкурах и совсем юные самцы с наивными слезящимися глазами. Напротив них, молча прильнув к прутьям, сидят люди. Они осознают, что смотрят в глаза своей гибели, но сами не проронят ни слезинки. Это сарматы. Волки среди людей.

Между клетками в окружении охраны появляются двое. Рядом с невысоким жилистым Сципионом вышагивает красивый загорелый атлет. Это Митридат Эвергет, седьмой царь Понта – государства такого же цветастого и непрочного, как ткань туники, украшающей царское тело. Понт расположился по границе римских колоний, толкует на эллинском, верит в иранских богов и свой флот, но нутром чувствует – рано или поздно цветастая туника будет сброшена и растоптана поступью римских легионов. Но это будет завтра. Сегодня понтийский царь пьян и задорен – он друг Сципиона и разговаривает с ним на одном языке. Пока на одном...

– А вот и подарок! Лучшие степные волки – прямо из Тавриды! – Эвергет подпрыгивает от удовольствия, бросая нетрезвый взгляд в сторону клеток с людьми.

– Никогда прежде не видел сарматов, – Сципион щурится, пытаясь разглядеть спрятавшихся в тени людей.

– Так увидишь! Устроим им побоище с хищниками покрупнее. Посмотрим, чего они стоят без своих стрел! Ногти против когтей. Красота! – Эвергет подходит к клетке и с силой бьет ногой по железным прутьям, заставляя людей спрятаться еще глубже в утробу зловонной тени.

– Если честно, мне больше по душе, когда человек против человека, с оружием...

– Все для лучшего друга! – Эвергет, словно разгоряченный юноша, делает пару пружинистых шагов в сторону охраны и хлопает массивного лысого декуриона по плечу. – Тащи сюда любого и дай ему свой меч!

Офицер кивает и распаивает клетку с людьми, которые, будто сторожевые псы, начинают гавкать на своем непонятном и очень грубом наречии. Один из пленных пытается схватить декуриона за руку, но получает удар мечом по ключице. Брызгая кровью и проклятиями, мужчина уползает прочь от входа, другие же испуганно жмутся по углам. Декурион хватается первого попавшегося за шею – так обычно ловят гусей, призванных украсить хозяйский стол. Сципион с удивлением разглядывает кудрявого юношу с правильными чертами лица и выразительными зелеными глазами. Если бы не загорелое рельефное тело, он бы подумал, что перед ним девушка. Юноша испуганно озирается по сторонам и неуверенно хватается меч, который сует ему декурион. Сармату страшно. Он не хочет драться. Но перед лицом своих соплеменников он не посмеет попросить пощады.

– Хочешь посмотреть, как выглядит волчья кровь? – Эвергет с улыбкой садиста достает меч и вытягивает свои пухлые губы в трубочку, словно целует юношу.

– Мне кажется, ты больше этого хочешь! – волна дрожи неожиданно проходит по телу римлянина. Ему неприятно все происходящее.

– В окрестностях Херсонеса эти твари попали в засаду. Я лично зарубил с десяток. И знаешь, что мне в них нравится? Никогда не просят пощады. Это тебе не греки или фракийцы. Волчье племя! – Эвергет ловко играет коротким мечом, ловя булатным лезвием лучи солнца. – Ну, давай, щенок. Смелее! – понтийский царь все ближе к юноше, который работает кистью и пытается привыкнуть к чужому клинку, который для него слишком тяжел, а значит, он обречен.

Сципион оборачивается на клетки и смотрит на людей, которые наконец вышли из тени своего страха. Мужчины что-то гортанно выкрикивают, заставляя мышцы на руках юноши наливать кровью. В отдельной клетке римлянин замечает женщину. Она молчит, в ее карих глазах застыла мольба, ее каштановые волосы на мгновение напомнили Сципиону осенний лес на берегах Тибра. Что она здесь делает? Кто она? Лицо полководца ласкает легкий ветерок...

Но это не осень из его детства. Это взмах мечом, еще один и еще... Вот юноша валяется в пыли и тянет свои руки навстречу смерти. Эвергет облизывает пересохшие губы и притрагивается клинком к шее поверженного. Сципион закрывает глаза. Этот красивый юноша мог бы много чего добиться в Риме, но боги зачем-то забирают его жизнь здесь и сейчас – на глазах урчащих львов, чтобы набить их ненасытные желудки.

– Пощады! Пощады! Это сын царицы! Не убивай! Хороший заложник! – посреди бесконечной паузы Сципион вдруг слышит женский голос и неказистые греческие реплики. Римлянин открывает глаза и сталкивается взглядом с рыжеволосой сарматкой.

Эвергет метит юноше в глаз: он любит убивать именно так – чтобы потом выковырять зрачок и, заглядывая в него под разными углами и с разным освещением, выдать пару фраз про бренность бытия. Сципион опережает смерть. Он резко отталкивает понтийского царя.

– Ты чего?.. Сам хочешь его прикончить?

– Кажется, это непростой воин. Не знаю, как вы, но у нас принято выяснять, кто есть кто, – Сципион вновь ловит взгляд рыжеволосой девицы. – Вон ту женщину... Приведите ее сюда!

– Ах вот куда ты все время смотрел? Сразу бы так и сказал. Но я бы ей не доверял ласки. Зубки острые! – понтийский царь начинает настолько заразительно смеяться, что улыбка мелькает даже на лице несчастного юноши.

– Мой друг, если это и правда подарок Риму, приведи мне женщину и оставь в покое мальчика! – морщинистое лицо Сципиона, напротив, совершенно лишено эмоций, чем он всегда удивлял и пугал своих противников.

Эвергет покашливает и приходит в себя, щелкая пальцем. Быкоголовый декурион пожимает плечами и хватает парня, словно он ничего не весит. Другой охранник с опаской открывает дверь клетки с девушкой. Она выходит, заставляя львов в клетках застыть на месте, а потом удивительно синхронно сделать шаг назад. Слишком сильная для женщины. Сципион таких раньше не видел.

2

Сарматку зовут Заряной. Подросток – ее младший брат по имени Атей. Они действительно из царского рода. Их мать упокоилась много весен назад – в тот самый день, когда первый раз багряный рассвет побывал в юном чреве Заряны. Она помнит огромный свежерытый курган и лицо царицы воительницы, словно заснувшей на одну ночь, но уходящей в вечность под пение воинов, одновременно напоминающее голоса птиц, свист ветров и зов диких зверей. Заряна помнит, как стоящая у тела рослая, покрытая татуировками жрица в высоченной остроконечной черной шапке выпускает ворона в поднебесье и орошает труп золотыми монетами. После она призывает воинов, которые с помощью полыхающих факелов создают огненное кольцо вокруг покойной. Когда пламя наконец смыкается, все до единого вытаски-

вают свои мечи и втыкают их в землю. Заряне часто снится этот единый душераздирающий клич – словно в небо уходит не один человек, а сотня заживо сожженных волчьих стай.

– Опия, великая царица сарматов, твоя мать и моя жена... Ее имя будет вечно гулять по степи вместе с ветром. Ты слышишь его? – к девочке подходит седобородый мужчина и протягивает ей длинный лук с колчаном.

Мужчину зовут Скопасис. От него пахнет речной тиной и кровью забитого тура. Цвет его глаз напоминает крылья стрекозы, и теперь на Заряну смотрят десятки таких глаз. Все и сразу. Они чего-то ждут и хотят.

– Клянусь богами продолжить дело матери и убивать врагов из этого лука! Клянусь служить своему народу и драться до последней капли крови за свою семью и за все племя! – юная Заряна поднимает лук, чтобы его тетива задела появляющиеся на небосклоне звезды.

Другой рукой она прижимает плачущего мальчика, Атея. Старшей сестре кажется, что выразительные глаза брата всегда были заплаканы, но это, конечно, неправда. Нынче он вырос и успел убить на охоте своего первого тура.

– Пока ты не привезешь в шатер три скальпа врагов, убитых в бою, чтобы украсить ими узду своего коня, и не проедешь со своим избранником по кочевьям в колеснице, запряженной оленями, я буду хранителем народа. Но мы ждем, Заряна! Опия живет в тебе, как ты дышала в ней! И так сбудется, и придет время, и ты станешь великой царицей. И великой воительницей, как твоя мать! – Скопасис вырывает свой меч из земли и целует клинок. Седая борода окрашивается теплыми оттенками степной земли. Песок хрустит на зубах.

– Степь проснулась, Заряна! Ветры доносят эхо великих передвижений и свирепых схваток... Из Страны восхода идут «серебряные люди» – тохары. Их больше, поэтому мы не можем дать бой... Пока не можем!

3

Заряна вываливается из колесницы собственных воспоминаний. Она находится за множеством переходов от своей последней стоянки, сидит за столом из странного мозолистого дерева – перед маленьким, но властным мужчиной.

– Что за «серебряные люди»? – Сципион делает глоток красного вина и едва заметно морщится. Этому пойлу далеко до фалернского янтарного нектара.

– Они с Востока. Они светлые, как пшеница. И хорошие воины. Я больше ничего не знаю! – Заряна говорит со странным акцентом. Кажется, Сципион слышал подобный где-то в Галлии. Может, все рыжеволосые варвары одинаково забавно коверкают язык Аристотеля и Сократа?

– Кто еще есть на Востоке?

– Там Парфия...

– Это я знаю... А что ты слышала про страну Серёз, где делают шелк?

– Я ничего не слышала.

Сципион поднимается и обходит Заряну со спины, трогая ее за волосы. Девушка тяжело дышит, сжимая пальцы в кулаки.

– Не бойся меня. Дальше твоего рыжего меха дело не пойдет! – Сципион делает шаг в сторону и подходит к окну, задумчиво глядя на ночное небо. – На что ты готова ради жизни своего брата?

– На все! – Заряна бесшумно подходит к Сципиону. Ее глаза блестят в полумраке, сквозняк играет огненными волосами, словно это не человек, а богиня из низших миров. – Что мне сделать?

– Страна, где делают шелк... Найди мне ее! И привези ткань!

– Поклянись, что брат дождется меня живым! – Заряна приближается к Сципиону на расстояние дыхания, и римлянин улавливает пряный запах ее лоснящейся от пота кожи.

– Именем Юпитера! Клянусь! Иначе пусть он меня покарает!

– Вряд ли он... Я! Или мои боги! Мы как ветер!

Сквозняк усиливается: его порыв опрокидывает на стол бокал с остатками вина. Мозолистое дерево нехотя поглощает терпкую плоть анатолийского винограда. Сципион улыбается. Ему нравится стихия! И эта дикарка. В другое время он бы оставил ее себе. Но дело прежде всего! К тому же рано или поздно она вернется за братом.

Сципион улыбается. Вся жизнь он приносил жертвы Марсу. Но нынче ловкий вестник богов Меркурий спутал все карты. Расскажи кто полгода назад разрушителю Карфагена, о чем он сегодня будет договариваться с дикой сарматкой, он даже не удостоил бы безумца ответа.

– Я принесу в жертву Меркурию самого откормленного быка, чтобы тебе сопутствовала удача.

Сципион помнит, что Рим любит победителей! Так было, так есть и так будет вечно! А еще он помнит свою последнюю речь в сенате.

Глава 3

Шелковая лихорадка

Рим – Пергам

1

Сложно поверить, что когда-то вместо этой оживленной площади здесь находилась болотистая пустошь: по ней испокон веков бродили козы, спасаясь от солнца в тени редких могильных надгробий. Местные пастухи говорили на сабинском языке и были совсем не похожи на современных римлян: глаза цвета мутных вод Тибра и волосы оттенков поздней осени. Сабины прочно обосновались на семи холмах, им даже казалось, что так будет вечно, как журчание ручья Велабра... Но жизнь изменилась! Сейчас здесь раскинулся Форум – сердце Рима, и сегодня оно бьется в бешеном ритме.

Это заседание сената. Больше сотни человек здесь с раннего утра, многие даже не ели. Республика держится именно на них – многоликих и крикливых мужчинах разного возраста, утомляющих друг друга витиеватой смесью из латинских фраз и провинциальных наречий. Сегодня сенаторы успели немало обсудить – от устранения протечки Великой Клоаки, наполнившей зловониями подножия Палатина и Капитолия, до военной операции в Иберии. К вечеру остается последний вопрос. Инициаторами его обсуждения выступают две противоположности. Престарелый Папила – неприятной внешности разжиревший фавн с огромными бородавками, напоминающими рожки луговых демонов. Он любит поскандальить, мерзко прикусывая свои толстые черничные губы. И Корнелий Луций Сципион: напротив, внешне спокоен, даже медлителен, словно наслаждается каждой секундой своего бытия в теле знатного патриция. Однако за вальяжностью льва скрываются его когти и клыки, заточенные в боях с врагами Республики. Сципиона боятся, как опасались его деда – победителя Ганнибала. Этот небольшого роста человек с простоватым лицом и лысым черепом говорит четко и убедительно. Уставшая от собственной важности толпа в одночасье замирает – она слышит не шаги худошавого мужчины, ей чудятся лязг оружия и победные крики легионеров...

– Граждане, этот вопрос может показаться не столь важным, но в нем вся суть болезни нашей с вами Республики. Болезни, которую мы обязаны излечить! – Сципион ищет глазами Папилу, который со своими сторонниками замер в ожидании, чтобы этот самый взгляд поймать. – Мы доблестно громим нашего врага, тогда как враг внутри нас! – Толпа сенаторов начинает гудеть. Многие воспринимают слова Сципиона буквально, косясь друг на друга и молниеносно просчитывая в уме силу той или иной коалиции. – На что мы тратим деньги? С Востока в Рим потоком течет шелковая ткань, которая, по утверждению торговцев, растет там прямо на деревьях. Нам неизвестны такие деревья, зато известны цены на шелк и темпы обогащения этих самых торговцев. Но это полбеда! Взгляните на женщин! Шелк хуже обнаженных тел! Он возбуждает фантазию, давая ей пищу, он сеет похоть и разврат. Разве за это боролся мой дед, Сципион Африканский? Это и есть будущее нашей Республики?

Сципион поворачивается и пристально смотрит на принцепса – старшего сенатора, чья седина напоминает альпийский снег. Чуть более ста лет спустя Республика падет к ногам первого императора Октавиана Августа, повелевшего именовать себя Принцепс сената! Демократично и скромно.

– Что ты предлагаешь, Сципион? Запретить оборот шелка? – принцепс утомился и весьма раздражен, соскучившись по хмельным плодам винограда, что ждут его в изящной амфоре, привезенной прямиком из Афин.

– Да, принцепс! Мы с сенатором Папилой и нашими соратниками обеспокоены тем уроном, что наносит шелк нашей стране. Рим невозможно разрушить мечом, но шелк, словно мягкая удавка, затягивается на шее Республики!

Толпа сенаторов смеется. Не от забавного сравнения, а от чувства внутреннего облегчения: слова Сципиона о «враге внутри нас» заставили напрячься всех, кто в состоянии думать и бояться. Многоликие и крикливые мужчины имеют столько скелетов в шкафу, что не уместит ни одно из кладбищ этого города, вскормленного волчьим молоком...

– На Форуме есть люди, кому выгодна порочная торговля!

Один из сенаторов – одышливый, тучный, с перстнями на пухлых волосатых пальцах – не выдерживает. Возмущенно кричит с места:

– Если это обо мне, то я имею право ответить вне очереди!

– Отчего ты решил, что это о тебе? – ядовито спрашивает Сципион, но принцепс кивает, давая слово возмущенному толстяку. Тот, ощутив поддержку, пытается расправить плечи и выставить грудь, но вместо этого всего лишь надувает живот.

– Всем известно, что я, являясь сенатором, не имею права заниматься торговлей. Да и зачем бы мне это?

Благо римского народа для меня превыше всего, денно и нощно я думаю лишь о том, как приумножить славу, мощь и богатство нашей великой Республики. Рим – победитель, Рим – центр и владыка мира. К нам послы с подарками едут со всего света. И то, что моя добродетельная и рачительная супруга ведет с ними дела, не нарушает ни единого римского закона!

Вот теперь смеха уже никто не таит. Тучный сенатор, опять растерявшись, озирается по сторонам. Он же был уверен в поддержке... Кто-то из задних рядов выкрикивает:

– Самой-то добродетельной супруге прозрачный шелк уже не по фигуре, так хоть заработать на тех юницах, что недобродетельно зарабатывают, одеваясь в прозрачный шелк!

Хохот со всех сторон.

Сципион, не удостоив толстяка ответом, ищет глазами жилистого высокого сенатора Тита, который поднимается с места с самодовольной улыбкой на лице.

– Уважаемый принцепс, полагаю, что сенатор Сципион только что выпустил стрелу в мою сторону... Позволь мне достать свой щит. – Тит слышит непревзойденным шутником и балагуром, что не мешает ему быть богатейшим жителем Вечного города. В зале будто повеяло свежестью – как после грозы. Титу улыбается даже принцепс: он предвкушает как минимум нескучную речь, а то и рабыню из Фракии, которую Тит ему накануне посулил как бы в шутку, между делом. Но в шутку ли? Старый принцепс едва заметно облизывает губы, представляя пышные формы фракийки, сложенной как добротный солиум. – Первым делом я хочу поздравить сенатора Сципиона с новым назначением. Как, наверное, приятно покинуть этот надоевший шумный город и вкусить власть проконсула в далеком Пергаме, – Тит наслаждается собственным баритоном, растягивая слова заранее заготовленной речи. – Ты ведь не будешь скучать по Риму?

Сципион смотрит на своего визави спокойно, но ненависть скрыть сложно. Тит не боится. У него действительно есть щит от стрел внука победителя Ганнибала, выкованный из грязного серебра сестерциев...

Проклятие, как же здесь душно... Сципиону становится дурно. Бывалый воин делает шаг в сторону и едва не оступает – это движение подхватывают десятки быстрых и настороженных глаз, словно муравьи заметили агонию раненого могучего жука... Зал охает, но этот возглас приводит Сципиона в чувства.

– Я не буду скучать по Риму, уважаемый Тит. Лишь бы Рим не скучал по мне!

– Как же приятно посмотреть на человека, чья важность сопоставима со славой целого города. А еще послушать его речи! – Тит медленно, но верно разгоняет колесницу своего красноречия. – Итак, сенатору Сципиону не нравятся девы, покрытые шелком. Он считает, что

ткань возбуждает сильнее, чем обнаженное тело... Знаете, а я согласен! Может, римские мужчины уже перестанут думать о вечном и займутся главной своей миссией – зачинать детей!

Зал Форума сначала немеет, а потом расходится дребезжащими волнами, которые сливаются в единый прибой из шепота и едких реплик. Даже уставший принцепс привстает с места и щупает себя за колени, остекленевшие от долгого сидения и прогрессирующего диабета.

– А что вы так загудели, уважаемые граждане? Рим по рождаемости один из последних городов нашей Республики. Так, может, именно шелк поможет вернуть город к его былому величию? Или дело все-таки не в женских телах? – разгоряченный собственной смелостью, Тит смотрит на Сципиона. – Ты уезжаешь в Азию! Зачем тебе этот закон? Может быть, он нужен семье сенатора Папилы?

Люди переглядываются между собой – прибой сменяется штормовыми волнами. Принцепс пытается перекричать толпу и, как белая седая чайка, сползает в самую гущу сенаторов, оглушая зал звонким голосом.

– Тишина! Сенаторы Сципион и Папила ставят вопрос: полностью запретить оборот шелка в Римской республике! Кто за запрещение шелка – собираются возле Папилы, кто против – идут в противоположную сторону курии!

Форум затихает. Люди расходятся. Сципион ловит усталый взгляд Папилы – они проиграли эту схватку. Улыбчивый Тит словно подрос еще на пару сантиметров и теперь напоминает греческую статую, которую со всех сторон обступают зеваки. Сципион выходит из душного помещения. Ему нужен свежий воздух. Он не будет скучать по Риму!

2

На ступенях здания сената Сципиона ждут. Эти семь юношей околачиваются на Форуме с полудня – они громко дурачатся и мешают разномастным зрителям подслушивать решения сенаторов. Описание их имен и происхождения займет не одну страницу текста и затронет едва ли не все важнейшие патрицианские кланы Рима. Они молоды и красивы, они безрассудно отважны и уже нетрезвы. Сципион не может сдержать улыбку. Там, среди шакалов, он проиграл, но с ними – он вечный победитель!

Эти птенцы обернулись в оперившихся ястребов всего четыре года назад, когда Сципион стал консулом и возглавил испанскую армию. Войска, призванные усмирить непокорных арваков, ни на что не годились – сплошное мародерство и дезертирство. Сципион не побоялся влить в жилы римской военной машины свежую молодую кровь, и молот вновь заработал, перемалывая каменные крепости и человеческие черепа. Семь римских граждан пришли на Нумантийскую войну совсем еще мальчишками, но именно там, под стенами Лютии и в траншеях у Нуманции, они обрели плоть Марса в мышцах и ярость молний Юпитера в глазах. Первым среди равных с самого первого дня был и остается Гай Марий из сословия эквитов. Сципион особенно тепло относится к этому белокурому юноше, словно видит в нем сына, а еще он чует его великое будущее.

– Сенатор, мы ждем тебя и хотим достойно проводить в дальний путь! – Гай Марий заговаривает первым и не стесняется обнять Сципиона. – Что вы так долго обсуждали? Поход на Лузитанию?

– Ты будешь смеяться, мой мальчик... Мы обсуждали шелк! – Сципион говорит эти слова с такой задорной улыбкой, словно и не было Тита с десятками подкупленных сенаторов. – Поехали ко мне! Сегодня нам всем нужно напиться!

Юноши победно кричат, распугивая жирных capitoлийских голубей. Они подхватывают Сципиона на руки и тащат его вниз по ступенькам, сшибая на своем пути водоносов и зазевавшихся плебеев. Сципион пытается вернуться на землю, но нужно ли это? Нет! Сегодня земли ему не видать...

Сенатор плохо помнит этот вечер на своей вилле... В памяти всплывают лишь отдельные обрывки. Вот «магистром вина» по жребии назначен юный Публий Рутилий Руф, который весь вечер, утро и следующий день до заката умудряется руководить рабами, что тащат из погребов семьи Корнелиев амфоры с лучшим фалернским янтарным вином. Вот в саду начинают мелькать обнаженные женские тела, вот юный Гай из плебейского рода Цецилиев зачем-то сдирает с гетер шелковые туники и поджигает их под радостные дружеские крики и визг испуганных девиц. Сципион часто возвращается в этот безумный день. Помнить все не обязательно: тогда он был абсолютно счастлив, хоть и пообещал себе, что не будет скучать по Риму!

3

С тех пор луна рождалась и умирала шесть раз, небо стало другим, а вино на вкус гораздо кислее. Сципион из рода Корнелиев обосновался за сотни миль от столицы – в центре азиатской провинции. Нет, конечно, он не скучает по своей римской вилле. Он солдат и привык выполнять приказы. Половину своей жизни он провел под пологом грубой палатки и равнодушно относится к роскоши. Особенно к чувственной эллинской архитектуре, пронизанной культом Гелиоса, которым переполнен пергамский дворец последнего царя династии Атталидов.

Пять лет назад Аттал Третий завещал свой трон Римской республике. Станный он был царь. Удалился от государственных дел, ходил в рубище, небритый, посвятил себя изучению науки. Особенно увлекали его ядовитые растения, действие которых он проверял на родных и близких друзьях. Его брат Аристоник, счастливо избежавший царского эксперимента, не согласился с завещанием и поднял восстание. И ему даже удалось разбить армию Лициния Красса Муциана, а самого консула захватить в плен и убить. Но чего-чего, а консулов у Рима на все провинции хватит. И вскоре Аристоник был разбит, проведен в цепях по Риму в триумфе уже другого консула – Мания Аквиллия и потом, как положено, задушен. А на территории бывшего Пергамского царства по постановлению сената была создана провинция Азия, надолго ставшая объектом алчных вожделений римских администраторов. И первым таким администратором было суждено стать ему – воину, стратегу, разрушителю Карфагена.

Теперь его дом в Пергаме – городе с огромной библиотекой и известным на весь мир храмом в честь бога врачевания Асклепия. Люди здесь читают, пьют вино и лечатся... Но чаще умирают...

Проконсул запутался в кружевах своих воспоминаний: он смотрит на стену, по которой медленно ползет черный паук, чьи лапки и микроскопический ворс вибрируют от сквозняка, но римлянину кажется, что сила его мысли насквозь пронзает это неторопливое насекомое. Сципиону чудится, что он сейчас прикажет – и паук развернется и поползет в противоположную сторону, но громко хлопает дверь и в просторном зале появляются двое. Охрана не в счет. Паук скользит по холодному камню и срывается на пол...

Первым идет здоровенный чернокожий мужчина с пружинящей походкой – совсем как у паука. Он сильно избит, но глаза улыбаются, будто незнакомца ведут на свидание с женщиной. Следом за негром появляется Марк – матерый центурион-наемник с острова Крит. Сципион многих вояк видел и научился разбираться в людях. Таких он называет *terrog*, то есть «ужас». Они опасны тем, что совершенно нечитаемы, – в их глазницах не живые зрачки, способные сужаться и расширяться, а два полированных камня обсидиана с острыми краями. Такие люди способны убить взглядом, но больше любят калечить руками...

– Проконсул, это финикийский пират, грабил у наших берегов. Я не распял его сразу, подумал, тебе любопытно будет побеседовать с ним, – Марк, как всегда, лаконичен и сдержан. Он наносит скупой, но эффективный удар пленнику в спину, заставляя чернокожего скорчиться от боли. Его спина покрыта шрамами, похожими на финикийское письмо.

– Как зовут? – Сципион поднимается с высокого стула трона и осматривает гостя.

- Сальвий!
- Не похож ты на финикийца!
- Это вопрос риторический, господин.

Пленник явно не подавлен своим положением или, во всяком случае, не хочет такового показать. Марк подходит к Сципиону и подает ему обгоревший кусок ткани. Сципион разминает пальцами обожженную, но по-прежнему нежную ткань, потом нюхает ее и пробует на растяжение.

– Это шелк? – Сципион удивлен.

– Ты никогда не видел шелк? Очень удобная штука, особенно после того, как справишь нужду, – Сальвий обнажает белоснежную улыбку, скованную из бисера крупных зубов. Марк изумерски точно и сильно бьет чернокожего, заставляя его упасть на пол.

– На колени, скот! Это сам Публий Корнелий Сципион Африканский! – Марк пытается схватить Сальвия за волосы, но рука скользит по курчавой голове.

– Проклятье... А я месяц учил команду называть себя Африканским! – чернокожий, кажется, воспринимает все происходящее как игру, в которой он обязательно сорвет куш, чем ставит в тупик двух серьезных, закаленных в баталиях мужчин. Марк и Сципион даже переглядываются. Луч солнца отражается в обсидиановых глазах наемника и слепит проконсула.

– Рассказывайте. Оба! – Сципион щурится и возвращается на свой пергамский трон.

4

В тот день солнце было куда более беспощадным, заставляя плакать, чтобы не ослепнуть от всполохов морской глади. Соль везде: в глазах, на губах, на руках, сжимающих насквозь просоленную кожу пращей. Сальвий стоит на корме финикийского корабля, похожей на изготовленный к бою хвост скорпиона. Он сильно выделяется из разномастной толпы пиратов – как цветом кожи, так и спокойствием в улыбающихся глазах. Судно вот-вот достигнет хищная римская либуерна, но Сальвий спокойно смотрит на паруса, нервно бьющиеся под ударами попутного ветра, а потом не спеша спрыгивает на палубу, где стоят взволнованные люди с пращами и дротиками в напряженных руках.

– Только по моей команде, – голос Сальвия звучит как заклинание, и его сразу же подхватывает стая чаек, привыкшая собирать отходы людей с корабля скорпиона. Особенно пернатые любят кровь и требуху, что летит в море после очередного пиратского нападения. Глупые птицы не понимают, что в этот раз кишки будут выпускать этим вечно галдящими и нетрезвым людям.

Либуерна все ближе – она идет на абордаж. Римляне осыпают противника стрелами и камнями из пращей: под восторженные вопли чаек на палубу один за другим падают пираты и хрипят, катаясь от боли в кровавых лужах. Это будет славный пир! Но Сальвий медлит, хоть и видит, как враги готовят абордажного «ворона» – огромный штурмовой трап. Вот его загнутый железный крюк, придающий трапу клювообразную форму, падает на борт, ломая перекрытия.

– Бей! – Сальвий наконец дает команду, и пираты синхронно посылают в небо десятки дротиков и камней, распугивая возбужденных чаек. Атакующие валяются, размазывая соленую кровь по бортам обоих кораблей. Несколько пиратов топорами рубят «ворона» и освобождаются от него. Сальвий довольно улыбается, но резко меняется в лице, когда видит ассеру – огромную стенобитную балку, окованную железом. Она крушит такелаж и сносит с палубы людей. Сальвий ловко пригибается, с ужасом оценивая работу смертоносного маятника. Вслед за ассерой на корабль обрушивается вторая штурмовая волна – римские солдаты отважно прыгают на борт «скорпиона», вступая с пиратами рукопашную.

Во главе отряда нападающих хладнокровно рубится центурион Марк. Сколько таких пиратских судов отправил он на встречу с Нептуном, когда проконсул Сципион повелел очи-

стить воды Эгейского моря от этого сброда. Его опытный глаз давно заметил чернокожего здоровяка, и теперь один капитан продирается к другому через толпу вопящих от боли и адреналина людей. Сальвий сказочно могуч – он хватает кусок реи и сбивает пару врагов с ног, но силы явно неравны: финикийские пираты проигрывают обученным легионерам. Сальвий откидывает кусок реи в сторону, словно это обычная палка. Марк уже рядом, он готов ударить безоружного чернокожего гиганта, но останавливается в последний момент, смущаясь от неподобающей ситуации веселого взгляда своего визави.

– Все! Давай-ка закончим на этом. Не зря же вы по поросенку каждый день съедаете... Одолели голодных моряков и довольны! – Сальвий говорит столь убедительно, что схватка стихийно затихает: люди с удивлением смотрят на чернокожего капитана. В неожиданно образовавшейся тишине слышны только стоны раненых и скрип разбитого такелажа. Даже чайки притихли.

– Что у тебя в трюмах? – Марк приставляет к горлу Сальвия свой верный гладиус, с которым не расстанется со времен первой в своей жизни бойни в гуще тел татуированных кельтов.

– А что могут везти морские бродяги?

– Я задал вопрос! И если не услышу ответа – убью.

Сальвия опережает совсем еще молодой офицер-декан – он тащит несколько кусков шелковой ткани и молча разворачивает их у ног Марка. За деканом следуют солдаты, вынося на палубу амфоры с изображением драконов, украшения и прочую утварь. Марк берет ткань в руки и смотрит на Сальвия.

– Разрази меня Юпитер! Это же шелк! Сколько там еще? – Марк переводит взгляд на декана.

– Полный трюм. Считать надо!

– Откуда шелк? – Марк вновь возвращается к Сальвию.

– А кто же помнит? Ветром надуло!

Марк выхватывает убранный было в ножны меч и четким ударом отсекает Сальвию полуха – тот от неожиданности падает на одно колено и держится за кровоточащую рану. Марк наклоняется и поднимает кусок мочки.

– Да. А ветер нынче крепкий... Человека по частям разорвет – и не заметит, – волея-неволей Марк настраивается на волну Сальвия, вдруг расплываясь в улыбке. Центурион размахивается и подбрасывает мочку высоко вверх, где за кусок человеческой плоти разворачивается ожесточенная борьба между двумя огромными морскими чайками. – Следом пойдет нос, – Марк тушит улыбку на своем землистом лице.

– Боги, что вы за люди такие? – Сальвий осторожно пробует свою кровь на вкус. – Ладно, ладно, скажу... Нос мне еще пригодится. Слушай. Мы почти год в пути. Пошли вдоль страны Афар, мы ее еще пыльной всегда называли. Афар – это и есть «пыльная» на финикийском. Понимаешь меня? Скажи своему человеку, чтобы дал мне вина. Пересохло. Ну же!

Марк с презрением смотрит на Сальвия, но делает жест декану, чтобы тот подал чернокожему одну из амфор. Декан с опаской подходит к Сальвию и сует ему кувшин. Сальвий обламывает горлышко и залпом выпивает содержимое сосуда. О том, что это вино, можно догадаться по бордовым струйкам, которые сбегают по горлу здоровяка и смешиваются с кровью на его груди. Сальвий кидает амфору прямо за борт и с улыбкой ждет всплеска воды.

– Совсем другое дело... Так вот, не такая уж эта земля и афар! К югу там леса, много влаги и парни типа меня. Потом был шторм. Сильный шторм. Мы две недели как потеряли берег и почти сдохли от жажды, но вдруг увидели собакоголовых!

– Собакоголовых? – Марк ежится, представляя себе человека с мощным волосатым торсом и безобразной головой молосского пса.

– Да. Такие ребята маленькие, цепкие и лают, как щенки. Отбивались отчаянно. Но представляешь? Паруса-то у них из соломы! Это кошмар! Из соломы! – Сальвий заразительно смеется.

– Продолжай, – Марк вновь достает гладиус.

– Мы, кстати, пару собакоголовых даже в команду взяли, да не вынесли они обратной дороги. Кстати, мой новый римский друг! У них есть нюхательный чудо-порошок. Хочешь, удивлю?

– Порошок? – Марк ведет бровью, вспаханной застарелым шрамом.

– Вон в тех ящичках. Открываешь, а там порошок... Он становится необычайно ароматным, если его немножко поджечь! Очень сладко дурманит. Да сам попробуй! Ты будешь первым римлянином, кто вкусит это блаженство!

Марк с недоверием смотрит на Сальвия, потом на декана.

– Сделай, как он сказал. Только отойди подальше!

Декан покорно открывает ящик и просит у кого-то из солдат запал. Сальвий осторожно ведет свой взгляд в сторону борта, но этого достаточно, чтобы намерения пирата прочитал опытный центурион.

– Стой! – кричит Марк декану, но поздно. Офицер прижигает неизвестный порошок, который оказывается дымным порохом. Раздается мощнейший взрыв. Сальвий за мгновение до этого группируется и в прыжке вылетает за борт, Марк пытается его схватить, следуя за чернокожим капитаном в воду. Взрывная волна от детонации нескольких ящиков уничтожает огненным ветром оба судна...

5

Сципион внимательно наблюдает за пауком, который оказался на полу и теперь пытается обогнуть массивные стопы Сальвия. Чернокожий гигант поднимает ногу и громко обрывает жизнь мастера сетей. Сципион вздрагивает.

– Это же целое состояние... Ты не мог об этом не знать. Зачем ты уничтожил корабль? – Сципион продолжает крутить в руках обгоревший кусок ткани.

– Я не думал о состоянии. Я хотел бежать!

– Проконсул! Из-за этой твари погибло три десятка моих людей! – Марк не выдерживает неторопливого течения беседы, желая быстрее покончить с пиратом. – Если ты выяснил все, что хотел, позволь, пусть он идет драться со львами! Как раз праздник Луперкалий наступает!

– Это, конечно, хороший выбор, тем более что мой бог Апедемак как раз по совпадению лев... Но у меня есть мысль поинтереснее, – Сальвий зачем-то поднимает раздавленного паука и держит его на весу, смело заглядывая в глаза Сципиону.

– Слушаю тебя! – Сципиону становится любопытно, и он жестом просит Марка отойти от Сальвия.

– У них есть маленькие насекомые вроде пауков, но они живут на отдельных деревьях и плетут особые нитки. А потом из этих ниток получается шелк... Как по волшебству!

Сальвий отбрасывает в сторону раздавленного паука. Сципион вновь вздрагивает.

– Собакоголовые тебе рассказали?

– Да. А еще они сказали, что на восходе есть император! По ночам он становится драконом, летает по окрестностям и насилует невинных девиц, – Сальвий вновь расплывается в белоснежной улыбке.

– Так что за интересную мысль ты хотел мне предложить?

– Моя смерть ничего тебе не принесет... Помилуй меня и пошли на восход за этими чудо-паучками! Я могу принести тебе богатство, римлянин!

Сципион какое-то время смотрит в одну точку перед собой, а потом шелкает пальцем, приказывая Марку увести Сальвия. Наемник морщит лоб, пытаясь понять намерения своего патрона.

– Пока не трогай его... И покорми хорошенько!

Сципион отворачивается и подходит к окну, чтобы не пораниться острыми краями обсидианов в глазах Марка.

– А еще вина... Хочу вина! – бодрый голос Сальвия затухает в каменном мешке коридора.

Сципион поднимает глаза и видит наверху, над рамой, большую паутину, в которой обреченно трепещет мошкара. Сципион поглаживает себя за подбородок и многозначительно улыбается солнцу, утопающему в море где-то далеко на западе. О Аполлон! Знали бы римские сенаторы о сегодняшнем разговоре...

6

Этой ночью Заряне предстоит несколько важных встреч. Первым делом нужно проститься с братом. Юношу отсадили из общей клетки и заперли в отдельной комнате, куда принесли немного хлеба и прокисшего пива. Атей лихорадочно собирает пальцем крошки прямо с пола и делает несколько жадных глотков. Он никогда еще так не голодал.

– Скил сказал, что мы будем драться со львами, но потом меня забрали и отвели сюда. Почему?

– Потому что ты будешь жить, мой брат! – Заряна трогает кудри юноши, на ее глазах выступают слезы.

– Я? А они? Все умрут? – Атей делает еще глоток и немного хмелеет.

– Прости... Я не могла спасти всех!

Заряна не выдерживает и плачет. Последний раз она срывалась в день смерти матери, когда никто не видел. Сарматы плачут только от песчаного ветра, но Атей не осуждает сестру – он гладит ее по голове рукой, пахнувшей хлебом.

– Мы поедem домой?

– Нет. Ты дождешься меня здесь. Это будет долго... Но клянусь тебе памятью матери – я вернусь за тобой!

– Скил и все остальные умрут?

– Помнишь дядю Орика, который охотился в низовьях Танаиса? – Заряна вытирает слезы и вдруг улыбается.

– Да. Его убили львы. Семья львов... Мы нашли тогда только кисть руки...

– Верно. Львы Танаиса самые свирепые, гораздо больше южных. Помнишь, что мама тогда сказала?

– Да. Умереть в чреве льва – значит самому стать львом!

– Да, родной... Они вошли в этот город людьми, но в небесные луга ступят грозными львами! Ты тоже когда-нибудь станешь львом. Но очень нескоро!

Заряне невыносимо здесь оставаться. Теперь она увидит Атея сильно возмужавшим или не увидит вовсе. Она никогда не слышала о стране Серез. Есть ли она? Мать рассказывала, что на краю света огненная пропасть и оттуда нет пути назад...

Что дальше? Заряну ведут по мрачным сырým коридорам с закопченными от факелов потолками. Впереди тяжелая кованая дверь. Скрип несмазанных петель, и вот два новых лица – один мужчина, черный, как грозовая ночь, сидит на полу у стенки, другой, как сама гроза, устроился на маленькой скамье. Это Сальвий и Марк.

– Слава львиным клыкам! Это с ней я отправлюсь в шелковый рай? – мужчина-ночь отделяется от пола и подходит к Заряне, сверкая лунной улыбкой.

– Сядь на место! – сзади появляется Марк и властным движением отправляет черного обратно на пол. Он здесь явно вожак. – Ты мне нужна, чтобы пройти степные земли. И не дай Меркурий тебе меня обмануть! Если, конечно, не хочешь, чтобы твой брат был скормлен зверям!

– Стой, стой! Какие такие земли? Мы же морем хотели! – Сальвий не выдерживает и вновь поднимается на ноги.

– Сядь, я сказал! Она знает дорогу, а ты видел их в лицо и слышал их язык, так что прикуси свой. Я с пятнадцати лет убиваю людей. Это моя работа. Понимаю, что вы тоже примерные дети Хаоса, но не стоит со мной тягаться. Единственный шанс выжить – действовать вместе, – Марк смотрит Заряне в глаза. Девушка молчит и не моргает. – Эй, ты немая? А может, еще и глухая?

– Я слышу тебя. Еще раз скажешь про брата – откушу тебе ухо!

Заряна вдруг настолько непринужденно улыбается, словно только что призналась своему жениху в любви. Марк поначалу сжимается как пружина, но через мгновение сам обнажает свои крупные желтые зубы и оборачивается на Сальвия, который морщится и трогает обрубок своего уха.

7

В это время в соседнем крыле здания за большим столом собрались десятки гостей. Они с упоением слушают гидравлос – водяной орган. Под тягучие утробные звуки по залу выхаживают полуобнаженные танцовщицы, пытаясь двигаться в такт неспешной мелодии. Сципион и Эвергет сидят во главе стола.

– Неплохая задумка. Только больно уж разные они. Пират, дикарка и головорез... Далеко ли уйдут? – понтийский царь лениво перебирает пальцами виноград, находит нужную виноградину и кидает ее в танцовщицу, чтобы поймать горячий взгляд красотки.

– Мой друг, общая цель способна объединить. Тем более вот на таких творческих стратегиях мы и строим свое государство, зарабатываем уважение друзей... Кому интересен Рим без безумных идей?

– Тонко подмечено! – Эвергет выдавливает улыбку и одновременно давит виноград, чтобы потом облизать сладкие пальцы. Привычка с детства.

– И знаешь, мой друг, я не собираюсь останавливаться! Как видишь, Рим велик не только военными победами: мы приносим цивилизацию и процветание нашим гражданам и союзникам. Если мы найдем источник и будем контролировать торговлю шелком... А там еще торговля янтарем – золотом севера! – Сципион задумывается от сказанного и с удовольствием закатывает глаза, будто пара рабов массируют его стопы.

– Продолжай! – Эвергет заканчивает облизывать пальцы и теперь беззаботно любит своей массивной золотой печаткой, украшенной сказочными грифонами.

– Это дело скорого будущего, мой друг... Контролировать торговые пути и править миром... Но сегодня есть дело куда ближе и живее!

– Какое же? – Эвергет снимает перстень и катает его по столу. У понтийского царя начинается мигрень, и он хочет на свежий воздух.

– Ты ведь знаешь, что в Сирии на престол взошел Антиох? – Сципион резко открывает глаза, заставляя Эвергета вздрогнуть.

– Этот недоумок? Конечно! Не успел братца своего проводить к Аиду, так сразу женушку его отхватил. Говорят, сучка хороша на ложе! Крутит его яйца, куда ей вздумается... Если, конечно, они есть! – Эвергет возвращает перстень на длинный узловатый палец и наливает себе вина.

– Они только что скинули с трона Диодота Трифона и полны амбиций, но не сил! Антиох хоть и не известен как великий воин, но жаждет мести за брата.

– Да... Покойный Деметрий был другим. И как от одной смоковницы два таких разных плода? Гордыня его сгубила. Никогда не понимал, зачем он сунулся в Парфию. Ну да ладно... Так что ты хочешь?

Сципион берет большой кубок и громко щелкает пальцем по его металлическим бокам. Настолько громко, что на звук оборачиваются даже томные танцовщицы.

– Вот это Парфия. Твердая, как бронза! – Сципион наливает вина и делает глоток, играя жидкостью в гортани. – Это Деметрий! – Сципион делает еще один глоток, в этот раз смачный и глубокий. – А это Антиох! Один брат сгинул, пусть и другой падет!

– А видать, хорошее вино. Как тебя расслабило-то!

Эвергет не ожидал от всегда сдержанного собеседника такой палитры эмоций. Понтийский царь вдруг сам невольно повторяет тот второй, глубокий глоток своего визави и едва не давится от крепости браги.

– Кровь Селевкидов лучше всякого вина, мой друг. Мы оба знаем толк в напитках и их выдержке. Пора! Самое время натравить Сирию на Парфию!

Сципион выпивает еще и еще. Римлянин пьян. Его глаза блестят, как у филина на капи-толийском холме, который заметил в ночи добычу и вот-вот сорвется вниз, чтобы вонзить свои когти в мягкую пульсирующую плоть!

Глава 4 В золотой клетке

Парфянское царство

1

К востоку от Запада и к западу от Востока есть такая страна – Парфия. Как и все государства, она лежит между небом и землей, но только неба здесь больше. Бесконечные хребты гор, пустыни с триллионами вселенных искрящихся песчинок, тонны зеленой речной воды, пахнущей илом и разложившейся плотью, и совсем немного земли, способной рожать. Между небом и землей есть посредник, поставленный богом. Зовут его Митридат.

Когда по смерти Сарры Авраам взял в жены Кетуру, от которой родился Емран с братьями, то отделил их Авраам от Исаака. И пошло от них племя парфян, царем которых стал однажды Аршак Храбрый. Вот его-то потомком и является Митридат. Митридатов полно и в соседних царствах, уж такое это популярное имя. Например, понтийского царя Эвергета тоже зовут Митридатом, да только этот – Митридат Великий!

В его густых седых усах уживается кошачье мурлыканье языка пехлеви и гром латинских букв, что выгрызли из кости врага римские боевые молоссы. Он свирепый и щедрый, он яростный и кроткий, но есть одно «но». Он божественно стар, а значит, великая Парфия обречена уйти к солнцу вместе с ним, где она непременно сгорит, а потом осядет пеплом, который позже нарекут Персией...

Это случится. Он знает. Но сегодня Митридат охотится, и это единственное занятие в жизни, позволяющее старику вспомнить молодость. Рядом с помазанником огня и света скачет его сверстник по имени Сурен. Издалека кажется, что он высечен из камня, – по его массивному серому лицу ползут морщины, сливаясь с многочисленными шрамами от ударов булата и укусов тропических moskitov. Сурен – глава одного из семи великих парфянских родов, и он тоже безнадежно стар.

– Почему ты не убьешь его? Это уже второй раз, как он старается сбежать, – Сурен прищипривает своего пятнистого жеребца, пронзая все вокруг колким взглядом.

– Убить? Ты смеешься? Да он стоит целого войска! Как только сирийцы поймут, что его братец Антиох не царь, а евнух на троне, я закину его к соседям и сломаю их мир! – Митридат говорит не о вепре и не о лани. Речь о человеке. И охота идет за ним.

2

Человека зовут Деметрием. Часто добавляют Второй и Никатор, то есть победитель. Сейчас последний эпитет звучит особенно кощунственно. Царь Сирии из славной династии Селевкидов – красивый мужчина с волнистыми светлыми волосами и прозрачно-голубыми глазами – словно сошел с древнегреческой фрески, но сейчас он отчаянно бежит, раздирая руки колючим кустарником и сбивая ноги в кровь.

Деметрий всегда считался слишком самоуверенным, потому и решил идти войной на Великую Парфию, но в итоге был разбит Митридатом и взят в плен. Сирии это поражение стоило потери Вавилонской провинции и обернулось очередной сменой власти.

Жена Деметрия по имени Клеопатра способна плакать только от чувственных ласк нубийских любовников, и она недолго думала, когда решила поменять одного брата из Селевкидов на другого. Был Деметрий – стал Антиох. Они действительно похожи, да только роди-

лись под шепот разных звезд. Энергичный красавец Деметрий способен на поступки, пусть иногда безрассудные, но достойные имени царя. Антиох другой, и Митридат чувствует его слабость за тысячи миль.

– Деметрий! Что ж ты как дитя? Не надоело бегать? – Митридат без особого труда настигает своего пленника и пронзительно свистит, заставляя огромных разъяренных собак поджать уши.

Деметрий закрыл глаза, чувствуя зловонное дыхание проклятых мастифов. Лая их он уже не слышит – в ушах звенит от жары и жажды. Митридат с помощью двух слуг слезает с коня и подходит к сирийскому правителю, не стесняясь его по-отечески обнять. Деметрий открывает глаза и едва не плачет от отчаяния. Опять не получилось. Опять скитания по пыльной жаре. Опять колкие унижения и бессонные ночи под восточными звездами...

– Я царь... Я должен править, я не буду сидеть в золотой клетке, – Деметрий с трудом шевелит потрескавшимися губами.

– Эх, а я к тебе ведь как к сыну относился! – Митридат грубо хватается за светлые кудри и резко отпускает. – Но парфянский царь – лев, а ты, похоже, птичий царь, раз толкуешь о клетке и хочешь улететь! Давай, лети!

Митридат заводится: его и без того бронзовая кожа становится серо-красной, как угли на стоянке степных кочевников. Деметрий делает шаг прочь, хочет бежать, но его останавливает еще один беглец. Все это время его не было видно, словно он состоит из ивовых прутьев и слился с речной землей. Это Каллимандер – верный слуга Деметрия с посеребренной сединой головой. Настолько верный, что прошел половину мира, чтобы спасти своего патрона. Каллимандер спокоен и холоден, как лед на вершинах гор его македонской родины. Он видит, как парфянские лучники изготовились, чтобы выстрелить, и смело закрывает грудью своего царя. Митридат оттаивает. Он подходит к седому македонцу и похлопывает его по щеке.

– Ты отчаянный человек. Пробраться на край света, в чужой город и так толково устроить побег. Ты ему чем-то обязан?

– Тем, что он мой государь!

Митридат молча смотрит на слугу. Каллимандер видит в его мутных старческих глазах туман над пропастью, а в движении ресниц – взмахи крыльев могильщика-грифа. Но гроза уходит. Лицо парфянского монарха озаряет улыбка. Он хватается македонца за плечо и раскати-сто кричит, бросая едкий взгляд в сторону Сурена.

– Вы слышали? Он – его государь... Он служит не за деньги или шлюх, а за честь! Я милую тебя, седой человек. Тебя отвезут на западные рубежи и отпустят на свободу. Мой совет – начни новую жизнь. Попробуешь вернуться – я лично отрежу твои яйца и заставлю их жевать!

Деметрия мутит и едва не выворачивает на землю. Митридат щелкает пальцами. Откуда ни возьмись около двух монархов появляется виночерпий с позолоченным кубком.

– Хочу выпить за твоего брата! – Митридат выхватывает кубок из рук нерасторопного прислужника и сует его Деметрию.

– За брата... Что с Антиохом?

– Пришла новость. Он занял твое место и стал царем Сирии. Скажу тебе больше: твоя жена Клеопатра перешла к нему вместе с тронem. Ты пей, пей! – Митридат силой заставляя Деметрия погрузить спекшиеся губы в терпкое красное вино. Пленник жадно глотает брагу и тут же хмелеет. Прозрачно-голубые глаза становятся синими.

– Брат? Не может быть...

– Они стали неплохой парой с Клеопатрой. Вместе победили Диодота Трифона и отстояли ваш фамильный трон. Ты недоволен?

Деметрий вырывает кувшин у виночерпия и залпом выпивает почти два сектария парфянского вина.

– Обидно, когда забыли и не ждут? Правда? – Митридат с удивлением наблюдает за тем, как меняют цвет глаза Деметрия.

– Не забыли. Они меня похоронили... – Деметрий покачивается и вдруг падает в лужу с грязью, широко расставив руки. Каллимандер подбегает к хозяину и поднимает ему голову.

– Головную боль нельзя похоронить, разве что с самой головой. Для них ты скоро воскреснешь, а значит, ты все еще Деметрий Второй Никатор! – Митридат в задумчивости тербит свою бороду, понимая, что разговаривает сам с собой. – Эй ты, седой! Не бойся. Вино не отравлено. О твоём господине позаботятся! – Митридат решает сжалиться над македонцем, который растерянно смотрит по сторонам большими влажными глазами.

3

Деметрий приходит в себя. Нет ни колючих кустов, ни лающих собак. Он лежит в бассейне с бурлящей водой, откуда-то доносятся звуки арфы, призывно голосит павлин. Воздух насыщен запахом лилий, смешанным с ароматом миндального масла. Что это? Он умер? Нет. Живой... К Деметрию спускаются две обнаженные девушки – они беззаботно смеются и целуются, а потом начинают ласкать мужчину умелыми руками. Деметрий озирается по сторонам и не знает, что ему сказать. И тут появляется она...

Родогуна уже не девочка, в ее жилах течет густая кровь из специй и вина, а губы помнят сотни разных мужчин. Она похожа на кобылицу с лоснящейся шкурой и густой черной гривой, за которую во время течки жеребцы калечат друг друга. Ее грудь велика, но по-прежнему упруга, ее лоно лишено волос и покрыто витиеватой татуировкой в виде хищного грифона. Деметрий давно не видел такой симфонии плоти.

– Царь Деметрий Никатор? То есть победитель... Докажешь? – Родогуна играет серебряной монетой, на которой отчеканен профиль бывшего сирийского царя.

– Смотря что и где я должен доказать! – Деметрий чувствует прилив крови и прижимает Родогуну к себе. Но нет. Он не потерял голову. Его жена Клеопатра, как и эта парфянская дива, также создана богами для звонких молитв соития.

– Что ты чувствуешь? – Родогуна грубо отталкивает других девушек и впивается в губы Деметрия.

– Я чувствую твои губы, – Деметрий погружается в воду с головой и протирает глаза. – Мне вот интересно, я так до скончания веков буду время проводить? Не надоест?

– Наглец! Ты еще и недоволен? Это рай для лучших воинов империи Аршакидов. Попав сюда однажды, они мечтают об этом остаток жизни и щедро отдают его за царя! – Родогуна злится, но в ее глазах не гнев, а вечная усталость, и это чувство невозможно скрыть.

– Правда? А ты и эти девушки... Вы людские существа? – Деметрий все давно понял, но старается играть по правилам хозяйки ложного рая.

– Мы священные ахуры. Служанки великого Ахура-Мазды!

– Странно греку попасть в парфянский рай, да еще и увидеть монету с собственным изображением... Тебе так не кажется? – Деметрий еще раз уходит с головой под воду, словно дает Родогуне возможность подумать над ответом.

– Я слышала про твой циничный ум. Ты отличаешься от тех мужланов, которых мы делаем счастливыми, – девушка теперь зачем-то стыдливо прикрывает свою роскошную грудь от взгляда Деметрия.

– Вот как? Так этот священный рай является большим борделем? – Деметрий убирает руки девушки с ее груди и расплывается в улыбке, наблюдая, как Родогуна приседает в воде, чтобы скрыть свои формы. Она больше не та напористая течная кобылица.

– В этом раю великие воины просыпаются после того, как получают волшебный напиток... Потом они вновь возвращаются в свои вонючие бараки – и смерть в бою, по их мнению,

единственная дорога обратно. Такова тайна непобедимой парфянской армии... И я только что ее тебе открыла!

– И сколько же я тебе должен за эти знания?

– Либо берешь меня в жены, либо умираешь! – Родогуна вновь поднимается во весь рост. Вода стекает мелкими ручейками по ее загорелой коже, покрытой мурашками – то ли от сквозняка, то ли от возбуждения.

– Ты ведь знаешь, что я царь. А ты кто такая?

– Кто я? Я дочь Митридата Великого!

– А почему отец из тебя сделал продажную девку? Чем ты перед ним провинилась? – Деметрий едва скрывает удивление. Он назвал бы ее царицей среди шлюх, но чтобы шлюхой среди цариц... Это слишком даже для искушенного грека на сирийском престоле.

– Это не твое дело, грек. Прежде всего я жрица, верховная жрица! Любовь с храбрыми воинами – это часть нашего священного служения. Мы делаем их сильнее, чтобы сделать сильнее нашу империю!

– Какой же бред... Тебе не надоело обманывать себя таким образом? И скажи, о боже-ственная, почему Митридат решил вот так осчастливить меня?

– Не имею понятия. Знаю только, что моя жизнь этой свинье безразлична. Но он только что преподнес мне воистину царский подарок! – Родогуна вновь прижимается к Деметрию и ищет поцелуя.

– Что же ты задумала? – Деметрий ловит губы Родогуны и пытается поймать ее блуждающий взгляд.

– Занять трон! – Родогуна замирает и слушает дыхание Деметрия. Сирийский царь вздрагивает от тревожного крика павлина.

Глава 5

Эхо восстания семи уделов

Чанъань, столица империи Хань

1

Солдаты в блестящих доспехах громят грязных, одетых в лохмотья кочевников, пытающихся отстреливаться из маленьких луков. Музыканты трубят победу. Публика весело рукоплещет, лишь император мрачен.

Императору опять снился один и тот же сон. Ему хочется рассказать о нем, но он уже твердо усвоил: даже если ты моложе подданного, все равно ты старше. А старшему нельзя выглядеть встревоженным, неуверенным, испуганным. Отец может порой отдавать неверные, ошибочные повеления. Но он не имеет права позволить детям понять, что не знает, как жить дальше.

Сон таков. По невысокой замшелой стене небольшой пограничной крепостицы, напряженно вглядываясь в сумерки, туда-сюда ходит китайский солдат, совсем мальчишка. Ему холодно и неудобно от завывающего северного ветра. Ему тревожно и тоскливо. На мгновение он отвлекается и смотрит в сторону города, освещенного огнями торговых лавок. Солдат улыбается: совсем недалеко обыденный, безмятежный мир, занятый делами жизни. Мирный мир. Начинает моросить дождь. Молодой солдат поднимает голову, присматриваясь, куда и откуда идут тучи, сулят они ливень или нет. Но, обгоняя падающие капли, с неба неожиданно прилетает со змеиным свистом стрела и вонзается в стену рядом. У основания наконечника тлеет промасленная пакля. Солдат испуганно кидается к стреле и торопливо тушит злоежущий огонек. Вокруг слышатся крики. Солдат видит: мир непоправимо изменился. На город рушится огненный дождь стрел, словно кара Неба, посланная невесть за что; тут и там вспыхивают пожары, мечутся растерянные люди. От теряющегося в мороси горизонта с диким гиканьем несутся сотни лучников на приземистых степных лошадях. На глаза испуганного мальчишки наворачиваются слезы, и в этот миг император понимает, что мальчишка – это он сам, это на своем собственном лице он видит слезы...

И, просыпаясь на мокрой подушке, владыка понимает, что действительно плакал во сне. Как такое расскажешь? Кому?

Прошедшие годы изменили Уди. Теперь это не рефлексирующий подросток, десять лет назад отправивший Чжан Цяня на поиски неведомых союзников, а уверенный в себе владыка Срединной империи. Несколько лет назад ушла в мир иной неугомонная бабушка Доу. Честолюбивая императрица-мать присмирела и уже не смеет навязывать ему свои советы. «Внешний» двор разгромлен, самые ярые оппозиционеры казнены, остальные тщательно скрывают свои истинные мысли. Все больше главные посты в администрации занимают молодые выдвиженцы императора. Вот совсем недалеко от Уди сидит Мю Цзы – по буфану с журавлями на форменном халате и рубиновому шарiku на шапочке – теперь крупный чиновник в Приказе церемоний. А ведь когда-то всемогущий Ван Куй собирался предать его позорной казни. Да и где теперь сам генерал? Старается лишний раз не попадаться владыке на глаза. Вот и на театральном представлении его нет, сказался больным.

Император задумчиво оглядывает придворных.

– Ксу, – обращается он к верному слуге, словно тень, застывшему за его спиной, – почему им так весело, ты понимаешь?

– Это же театр, мой император. Людям нравятся смешные сцены из жизни...

Уди вспыхивает.

– Ты сказал «смешные»? Смешные! – он вскакивает с места и забирается на сцену, расталкивая испуганных актеров. Император хватает одного из «грязных» за волосы и, пока тот корчится от боли, показывает его опешившим министрам. – Это хунну. Я верно понял задумку? – публика неопределенно гудит. Чиновники еще не определились, что хочет владыка и как реагировать им – хвалить или порицать.

– Если это так, – продолжает император, – как вы смеее потешаться? Над кем? Над собственным бессилием?

Чиновники молча и удивительно синхронно кивают головами. Надо порицать! Уди пинает «грязного» и спускается в зал, обходя вытянувшихся по струнке министров.

– Значит, вот какие победы вас радуют? Да? Ответьте мне на вопрос, мудрейшие! Каждый год мы платим варварам десять тысяч даней рисового вина, пять тысяч ху проса, десять тысяч кусков ткани! Но зачем, если хунну все равно у границ? Где Ван Куй?

Эхо от голоса императора еще не затихло, а в зал уже вбегает запыхавшийся генерал.

– Тот, у подножия трона которого я нахожусь, – в поклоне начинает Ван Куй, – конечно знает, что это хэцинь – договор о мире и родстве. Если не будем платить, плотину прорвет...

– И это смеет говорить генерал императорской армии? Вы все с ума посходили? Нас больше! Почему мы терпим унижение?

– Смею напомнить историю первого императора великой династии Хань, когда Гаоцзу оказался окружен у деревни Байдэн...

Уди перебивает генерала:

– Я знаю эту историю! Но с тех пор прошло больше семи десятилетий!

– Прикажете идти в степи?

Уди вынимает игрушечный меч из рук одного из распластавшихся ниц дрожащих актеров.

– Десять лет назад я послал в степи хорошо тебе знакомого Чжан Цяня. В отличие от тебя у него была цель – добраться до народа «лунных котов» и заключить с ними союз, – Уди приставляет меч к горлу военачальника. – А какая цель у тебя, Ван Куй? Устроить очередной смотр на место новой жены или еще один конкурс пьянства? Тебе не кажется, что пора прекратить жить прошлым и стоит подумать о будущем, включая будущее своей страны?

Лицо Ван Куя становится белым, как некрашеное шелковое полотно.

– Да, мой император. Какие будут приказы?

Уди вкладывает игрушку в руку Ван Куя. Тот покорно ее берет.

– Ты старше меня в два раза, а ведешь себя как юнец, дорвавшийся до власти. Вот тебе оружие – оно как раз подходит твоей манере вести войну. И пошел вон! Все вон!

На выходе из дворца Ван Куй больно впивается в запястье Ксу и тихо шипит:

– Ты ведь не забыл восстание семи уделов, евнух?

– Это угроза?

– Император предаст позору верных соратников своего отца. С кем он останется? Если что, пойдут за мной, а не за ним.

Ксу приближает подслеповатые глаза к лицу Ван Куя и качает головой:

– Нет, Ван Куй. Мы с тобой – прошлое и не можем быть вечными, как бы ни молодились. А император умен и прозорлив!

Ван Куй нервно смеется.

– Да. В точку! Поэтому он поверил в Чжан Цяня? Поэтому понадеялся на каких-то «лунных котов», которые спят и видят, как бы помочь Хань?

Ксу мягко разжимает пальцы генерала и освобождает руку.

– Так и не простил его?

– Никогда! Я каждый день молюсь Небу, чтобы он остался жив. Знаешь зачем? – Ван Куй делает страшную гримасу. – Чтобы сломать ему хребет лично, вот этими руками!

2

Император стоит перед строем стражников: они, как истуканы, замерли по периметру тронного зала.

– А что ты будешь делать, если на твоего императора нападут? Палкой забьешь?

Стражник не отвечает. Уди достает из его ножен меч, который оказывается изящно сделанной бамбуковой обманкой. Охранник стоит, не шелохнувшись, глядя в стену напротив. Император проводит рукой перед глазами воина – тот даже не моргает, император хлопает – ноль эмоций.

– Никак не привыкну к новой охране.

– Их с четырех лет готовят служить Сыну Неба. Молчать, не двигаться, тренировать мочевой пузырь и пользоваться деревом вместо железа...

– Да... Они сами как деревья... Ты говорил про двадцать четыре головы, что это значит, Ксу?

– У хунну двадцать четыре темника, они называют их ваньци. Десять из «золотого рода», к которому принадлежит шаньюй, остальные – из четырех других родов...

– Чью голову мы ждем?

– Это сянь-ван из западного клана Сюйбу. Ван Куй разбил его отряд на границе.

– Значит, не все потеряно с этим пьяницей?

Действительно, отправившись на границу, Ван Куй неожиданно добился успеха. Неожиданно для себя и для бывшего хозяина Чжан Цяня, чья очередь настала пограбить южан, что он начал делать привычно и лениво, вовсе не ожидая засады и стремительной контратаки от взбешенного унижительной императорской выволочкой генерала.

– Ну что ж, посмотрим на подарок Ван Куя, – подводит итог осмотра стражи император.

3

Ко входу подъезжает кавалькада всадников, среди которых выделяется высокий для китайца сотник Фенг. Вооруженные солдаты спешиваются и идут к массивной двери, где их встречает начальник стражи и его люди.

– Оружие сложите вон туда! – повелительным жестом начальник стражи показывает на большую скамью рядом.

Фенг улыбается и снимает с себя меч, потом достает кинжал из правого сапога. Императорская охрана тщательно обыскивает каждого, изымая любые острые предметы, снимаются даже пряжки и броши.

Фенг весело скалится:

– Кругом враги?

– Где голова? – начальник стражи официален и не поддерживает его веселья.

Фенг кивает одному из своих провожатых, тот достает большой шелковый сверток, заскорузный от пропитавшей его крови. Начальник стражи морщится, разглядывая отсеченную голову хунна.

– Выглядит как торговец рисовым вином!

– У них все аристократы вечно пьяные, – хмыкает сотник.

Начальник стражи вынимает из свертка отсеченную руку, на которой видны большая красочная татуировка в виде волка и несколько драгоценных перстней на пальцах.

– Это что такое? Перстни нельзя!

– Хочешь присвоить? Это подарок императору, очень дорогой подарок! – с вызовом отвечает Фенг.

Начальник стражи недовольно теребит жидкую бороду, скребет длинным ногтем мизинца по массивному перстню на указательном пальце и отдает руку Фенгу. Жестом показывает: пропустить.

4

Распластавшись у трона вместе с пятью сопровождающими, Фенг, не поднимая головы, обращается к владыке:

– О Сын Неба, у подножия трона которого недостойный Фенг ждет милости! Один из ваших врагов повержен.

Уди кивает:

– Я рад, сотник Фенг.

Из-за спины сотника один из солдат ставит к ногам императора голову на золотом подносе. Уди пристально смотрит на нее.

– Это и есть один из столпов хуннского народа?

– Да, повелитель! Сянь-ван Бяслэг. Его клан Сюйбу вместе с Цюлинь владеет западными землями территории хунну. Это большая потеря для народа «четырёх рогов»!

– Как это случилось? – император показывает ладонью, что Фенг может встать.

– Удачная вылазка, – Фенг скромно пожимает плечами, – они ехали с курултая и решили поживиться напоследок. Мы окружили их: убито восемьдесят отборных воинов.

Уди довольно потирает руки.

– Кто руководил операцией? Лично Ван Куй?

– Да, мой император!

– А почему он сам не приехал?

– За Бяслэга будут мстить, – поясняет Фенг. – Ван Куй нужен на границе! – Фенг берет с подноса руку. – Это скромный подарок. Здесь родовые украшения клана Сюйбу. Говорят, они приносят мужскую силу!

– Подай сюда, – заинтересованно кивает Уди.

Охранник протягивает руку, чтобы передать конечность императору, но Фенг отстраняет его – сам! Уди с интересом рассматривает татуировку.

– Дикарям не чуждо искусство! Это что-то значит?

– Да. Это смерть, – глухо отвечает сотник.

– Чья смерть? – еще не понимая, переспрашивает император.

– Твоя! – с судорожным выдохом Фенг неожиданно выхватывает у императора кисть и извлекает из нее стилет, искусно замаскированный в кости. Фенг наносит удар, но Уди каким-то чудом успевает увернуться и лезвие лишь рассекает дракона на объемном шелковом халате с левой стороны груди. Всего несколько сантиметров, и клинок бы достал сердце Сына Неба, но сегодня Небо защищает своего сына!

В мгновение ока стражники бамбуковыми мечами сносят безоружных заговорщиков, плотным кольцом окруживших своего лидера и его жертву, на пол. Еще попытка, но молодой император проворен – он успевает вскочить на трон и отбивает удар ногами. Убийца понимает, что через миг доберутся и до него, и всю силу вкладывает в бросок. Но за мгновение до этого старый евнух швыряет в нападающего сумку с лечебными травами и зельями, которая спрятана за тронем на случай недуга владыки. Содержимое сумки с грохотом разлетается и сбивает прицел сотника – смертельное жало впивается в спинку трона в считанных сантиметрах от императора.

Злоумышленник хладнокровно срывает один из перстней с мертвого пальца, твердым движением вскрывает себе яремную вену на шее и падает с кровавой улыбкой на губах у ног владыки одновременно с тем, как его хватают десятки рук. Схватка закончена. Все злодеи лежат на мраморном полу: у кого-то сломана шея, кто-то еще дышит. Уди, забыв о страхе, подбегает к Фенгу, истекающему кровью.

– Срочно остановите ему кровь! Он мне нужен живым! – Охранники суетятся, пытаюсь пережать разорванную вену, но Фенг слабеет на глазах. – Кто тебя послал? Ван Куй? – кричит император.

Его голос слышится все тише и тише. Тело Фенга охватывает приятная истома, окружающее распадается на цветные яркие пятна, переливаясь пестрым калейдоскопом. Спать... спать... Собрав последние силы, он манит императора пальцем. Оттолкнув стражников, Уди опускается на колени и приближает свое ухо к лицу умирающего. Прерывистая речь сотника клокочет, забрызгивая лицо Единственного кровью.

– Восстание семи уделов... Тебя еще не было, но был твой отец и мой... Его звали Лю Суй... Будь ты проклят и все твоё семя... – Фенг закрывает глаза и с улыбкой погружается в вечный сон.

Не сдержавшись, Уди бьет мертвеца по лицу.

– Кто такой Лю Суй?

Ксу с поклоном подает императору шелковый платок:

– Один из повстанцев. Князь Чжао. Закончил жизнь так же, как и этот пес...

В зал с грохотом врывается вооруженная охрана, императора окружает стена сверкающих мечей. Уди брезгливо утирает кровь с лица.

– Ваш отец жестоко покарал повстанцев, лишив жизни, а их детей – власти. Этот Фенг мстит за то, что рожден князем, а на деле лишь сотник...

– И все? Личная месть и Ван Куй ни при чем?

– Мы проведем следствие... – Ксу приближается к Уди и, склонившись в поклоне, шепчет так, чтобы не слышали стражники: – Я скажу, что при чем! Но еще скажу, что он окружил себя такими Фенгами, готовыми мстить. Мой совет: не ворошить сейчас осиное гнездо, если Тот, у подножия трона которого я нахожусь, не хочет, чтобы армия двинулась на столицу. Мы будем действовать как Ван Куй. На хитрость хитростью. Драконы боятся тигров, пока не копируют их повадки и не думают как тигры!

Беседу Уди и Ксу прерывает доклад начальника стражи: два – со сломанными шеями, двое вскрыли себе вены прямо зубами, один живой.

Избитого заговорщика швыряют к ногам владыки. Несчастный плачет и вытирает кровь из разбитого носа:

– Я не хочу умирать, не хочу... Молю пощадить...

– На что ты рассчитывал, поднимая руку на Единственного? – тихо спрашивает Уди. Он уже успокоился и опять контролирует свои эмоции.

– Это не я... Я не знал, что будет так... – рыдает солдат. – Пощадите... Это они из княжеских семей, а я просто слуга... Один из них заболел, и меня взяли вместо него. Я не виноват!

– Проверить, так ли это, – бросает император Ксу. – Пока в темницу его! Если скажет что-то действительно ценное, оставлю жить!

– Скажу! Скажу! Очень ценное! – солдатик в возбуждении даже пытается встать, но вновь утыкается разбитым носом в холодный мрамор, получив молниеносный удар по затылку. Уди кивает. – Я был там, когда поймали Бяслуга! Хунн сказал, что у него долгие годы служил Чжан Цянь.

Уди меняется в лице.

– Ты сказал «Чжан Цянь»?

– Да, да! – почувствовав надежду, тараторит солдатик. – Ван Куй сильно удивился! А потом лично отрубил ему голову.

– Чтобы не наговорил лишнего, – тихо комментирует Ксу.

– Он жив? – в голосе Уди тоже слышится надежда.

– Его отправили в рабство на запад...

Глава 6

Ме-ло-да

Караванный путь в Паркану

1

От берегов великого северного моря Бэйхай до Семиречья и от Пурпурной границы до Луковых гор раскинулась степная держава шаньюя Цзюньчэня.

Семьдесят лет назад его дед, великий Модэ, подчинил своей железной воле свободолобивых степняков: «Шаньюй Тумань имел двух сыновей от разных жен. Для того чтобы отдать престол любимому младшему сыну, он решил пожертвовать старшим, Модэ, и отдал его в заложники юэчжам, надеясь, что они убьют его сына. Но Модэ удалось бежать и вернуться к отцу, о предательстве которого он, конечно, знал. Тумань, искренне восхищенный удачью Модэ, не только не убил его, но и дал ему в управление один из уделов – десять тысяч семейств. Модэ немедленно начал обучать военному делу своих людей и научил их пользоваться стрелой, издававшей при полете свист.

– Куда пушу “поющую” стрелу – туда и вы должны выстрелить!

И послал стрелу в любимого коня. Замешкался кто-то из нукеров, и полетела голова с плеч. Снова предупредил о том Модэ и выстрелил в свою красавицу жену. И тем, у кого не поднялась рука стрелять в без-защитную женщину, тут же отрубили головы. Больше непонятливых не было. И когда Модэ, следуя за отцом на охоте, пустил стрелу в него – шаньюй тут же превратился в ежа от вонзившихся в его тело стрел.

Дунху, узнав о междоусобице, решили воспользоваться ею и потребовали в подарок “небесного коня” – сокровище хунну – и любимую жену Модэ. Возмутились старейшины, но Модэ сказал: “К чему жалеть для соседей одну лошадь и одну женщину?” – и отдал то и другое, казнив несогласных. Тогда дунху потребовали приграничную полосу пустыни, ни к чему не пригодную. “Зачем воевать из-за бросовой земли?” – сказали князья. Но Модэ заявил, что земля – это основание государства и ее нельзя отдавать. Он снова казнил несогласных, пошел в поход на дунху и уничтожил их.

Так Модэ превратил племя хунну в военную державу. Отныне хунн рождался воином, мог быть только им и никем иным!

Его сын, шаньюй Лаошань, получил в наследство великую державу и наказ отца: навсегда разбить заклятых врагов – юэчжей. Не забыл Модэ своего позорного плена в юности. И Лаошань сдержал слово, данное отцу. Правитель юэчжей Кидолу пал в битве, а из его черепа Лаошань сделал чашу для крови и вина. “Серебряные люди” покинули Семиречье и, к ужасу изнеженных роскошью потомков Александра Великого, уже под именем тохаров явились на берега Окса и без особого труда овладели Бактрией».

Но где эта Бактрия, раскинувшаяся в благодатной долине? Не ведает бывший императорский посол, а теперь раб собственного раба Чжан Цянь. Со связанными руками, в сопровождении угрюмого Ганя, он нагоняет великий караван, медленно бредущий в сторону Парканы.

Ждут в Паркане кочевников «небесные кони», потеющие кровавым потом, за которыми не угнаться ни одной самой резвой степной лошади во всей Великой степи. Ничего за такого коня отдать не жалко. Ни тончайший в знойный день холодящий тело шелк, ни изящный звонкий фарфор, ни бодрящий ароматный чай. Каких только изысков, получаемых от ханьцев по договору о мире и родстве – хэцынь, нет в караване. А чего не хватает, хунну берут сами, заодно уводя в рабство китайских жен и дочерей. Но сегодня не они, а западная красавица

– жемчужина каравана. У нее золотистые, цвета осеннего ковыля волосы и большие глаза, в которых Тенгри растворил самые синие краски своего неба. За нее шаньюй получит от царя Парканы не одного, а целый табун «небесных коней».

Обжигающий северный ветер сменяется обжигающим южным. Теперь губы не лопаются от мороза, они становятся сухими и сморщенными, как плохо выделанный пергамент. Чтобы ноги и кожа дорогой пленницы не пострадали, Млада едет в удобной корзине, расположенной на рослом верблюде. От палящего солнца ее защищает бамбуковый зонтик. От зноя и монотонного покачивания смежаются глаза.

2

Млада чувствует бьющий в лицо прохладный ветер и душистый цветочный запах, словно ее подхватывает дружная пчелиная семья и уносит в мир иной... Глаза открываются. Она дома! Млада понимает, что спит, но не хочет отпускать свое детство. Вот она, маленькая белокурая девчонка, вдруг бросается на седобородого старика и хватает его за рукав холщовой рубахи.

– Ну что ты, свербигузка, кого испугалась?

Старик говорит ласково, а в его глазах Млада видит два выцветших озера со множеством стеблей водорослей и снующих между ними точек-мальков. Млада заворуженно смотрит в эти водянистые глаза и не может сказать ни слова. Старик улыбается девчужке и гладит ее по голове. Вот он поднимает с земли грубо отесанный наконечник копья, который будто покрылся морщинами от своей древности.

– Что это? Он старый?

Млада тянет свои ручки к незнакомой вещице, а когда прикасается к ней, испуганно убирает пальцы.

– Это громовая стрела Перуна, девочка моя... Когда-то давно он обронил ее, а может, и оставил для нас... Кто ж теперь разберет?

Старик достает кресало и с необычной для своего возраста удалью высекает снопы искр, которые начинают пожирать сухой мох. Млада заворуженно следит за тем, как пламя расходится в своем стремительном танце и вдруг перекидывается на длинную лучину в жилистых старческих руках. Но настоящее чудо случается спустя мгновение: от лучины рождается огромный костер из поленьев в два человеческих роста. Вспыхивает он быстро, выхватывая из темноты множество людей, которые все это время, оказывается, стояли совсем рядом и молчали... Млада вскрикивает от неожиданности, но ее голосок заглушает треск сухой древесины.

– Разыдись темно, разгорись добро! Засверкай светло, яри ясное, Солнце красное! Стани-стань доли, яко Род вели. Стани-стань доли, с неба до земли!

Весь красный от нахлынувшей крови и отблесков Перунова огня, старик оглушает округу зычным кличем, от которого мурашки бегут по коже. Его голос подхватывают десятки, может, сотни глоток, оглушая и без того шальную ночь.

Млада видит, как через огонь летят люди – парами, держась за руки. Пламя не причиняет им боли, даже напротив – заставляет весело хохотать и скидывать на траву дымящуюся одежду. Мужчины и женщины обнажаются и вновь исчезают в темноте, убегая по мокрой от росы траве в сторону реки. Млада совсем рядом с исполинским костром: он посылает искры в небо, где они становятся звездами. Она делает шаг. Горячо, но не страшно... Еще один шаг. Жар усиливается. Но Млада почему-то не боится. Она собирается с силами и делает прыжок, оказываясь в пульсирующем сердце летней ночи. Темно. Почему-то очень темно и нестерпимо горячо...

Млада приходит в себя от того, что смуглая рабыня, чья морщинистая кожа похожа на громовую стрелу из детства, бьет ее по щекам. Сильно мутит, и кружится голова. Рабыня протягивает Младе плошку с вонючей водой. Млада делает глоток, и ее едва не выворачивает, но

вода сейчас необходима... Это все жара, будь она проклята. Млада вытирает холодный пот со лба и вновь закрывает глаза. Где-то вдалеке слышны раскаты грома. Млада улыбается. В ее роду-племени всегда любили грозу...

3

Чжан Цянь и Гань неторопливо едут по степи – спешить некуда. Бежать тоже некуда. За этим зорко следят два воина, предусмотрительно посланные в помощь Ганю Ичиссом.

– Десять лет назад ты чуть не умер из-за своего языка. Неужели так трудно измениться?

Чжан Цянь с удивлением смотрит на бывшего слугу.

– Вот как? Не знаю, что ты думаешь обо мне, Гань.

– Разве это важно? Важно, что ты нашел свое место! Ты жил!

– Не слишком ты высокого мнения о моей жизни. Десять лет под страхом смерти? Десять лет переводить угрозы и оскорбления с хуннского бесконечной армии рабов из-за Стены? Это, по-твоему, жизнь?

Бывший слуга пожимает плечами:

– Это степь. Смерть здесь быстрее ветра. Но ты во второй раз ее обгоняешь. Я уважаю тебя за это!

Вдруг Гань замирает и к чему-то прислушивается. Затем дает знак остановиться и, развернувшись, внимательно вглядывается в сторону только что пройденной степи. И действительно, на горизонте появляются три точки, которые постепенно начинают расти и приближаться. Лицо Ганя остается бесстрастным, но по глазам, превратившимся в две узкие щелки, Цянь понимает: северянин сильно взволнован. И явно недоволен увиденным. Впрочем, вскоре ему самому становится не до физиогномики.

В одном из трех всадников, догонявших их, он узнает Дэ Мина, и ясно, что бывший чиновник его посольства находится здесь не в роли пленника.

– Ты?

– Я... Господин не рад видеть своего верного слугу? Прошу простить мою невожатность во время состязания, – Дэ Мин явно наслаждается впечатлением, которое его появление произвело на Чжан Цяня. И его напускное почтение никого не может ввести в заблуждение. – Получил свободу и вот решил, что можно неплохо заработать.

– На продаже своих земляков?

– Не совсем, – Дэ Мин с вызовом смотрит на Ганя. – Брат великого шаньюя просил присмотреть за тобой.

Гань окидывает Дэ Мина презрительным взглядом и вопросительно поднимает подбородок в сторону соплеменников. Те утвердительно кивают.

– Ты же не будешь перечить приказу великого лули-вана? А? Гань?

Гань ничего не отвечает. Он сжимает ногами бока лошади и посылает ее вперед. Дэ Мин шумно втягивает степной воздух ноздрями и расплывается в улыбке.

4

По мере того как караван приближается к южным границам хуннских земель, он все больше и больше разрастается. В него вливаются все новые и новые группы. Кроме предметов роскоши из Китая и северной пушнины, появились лошади и шкуры, которых пригнали данники – дунху, а также железо от тангутов. В движении он становится похож на гигантского дракона.

Гудухоу – такой титул носит у хунну главный караванщик по имени Мо. Он даже не обращает внимания, когда кавалькада с пленником настигает их на стоянке. Кивком головы Мо

направляет Ганя к одному из помощников. Кажется, в этом царстве хаоса, состоящем из ревущих верблюдов, нагруженных тюками, фыркающих от усталости лошадей и стонущих пленников, небольшими группками сидящих в тени скал, невозможно сориентироваться. Но Чжан Цянь каким-то внутренним чутьем останавливается перед навесом, в тени которого отдыхает Млада.

– Мелода! – губы его складываются в трубочку, из которой, кажется, польется мелодия. И – о чудо! Она действительно здесь и она его слышит и с радостным возгласом выскакивает из палатки! Гань преграждает ей дорогу и дергает бывшего хозяина за путлище на руках.

– Даже не думай!

– Господин, зачем она тебе? – смеется Дэ Мин. – Зачем разочаровывать такую красотку? Слушай, а может, я отбил тебе достоинство тогда на поле?

Чжан Цянь с презрением смотрит на предателя и проходит мимо Млады, которая провожает его взглядом.

– Что, так и будешь нянчиться с ним до Эрши? – Дэ Мин панибратски кладет руку на плечо Ганю и тут же корчится от боли в вывернутом запястье.

– Еще раз тронешь меня – вырву глаз!

Помощник гудухоу, с интересом наблюдающий за сценой, одобрительно хмыкает.

– Вижу, вы сами позаботитесь о себе. Главное, держитесь подальше от этой рабыни, и у вас не будет проблем.

5

Вот уже который день караван вгрызается в горный хребет Памира, забираясь по узкому ущелью все выше и выше. Но вот, хвала Небу, перевал Алгынтага позади и дорога серпантинном начинает спускаться в долину. Силы пленников на исходе, спотыкаясь и падая, они с трудом держатся на ногах. Конные стражники подгоняют их плетьюми. Наконец река! Люди падают на четвереньки и, словно животные, с жадностью лакают бурлящую воду. Кочевники поят лошадей и верблюдов, наполняя живительной влагой опустевшие кожаные бурдюки.

Воспользовавшись общей расслабленностью, один из рабов пытается бежать. Ему удастся достичь противоположного берега, вот-вот он скроется за большими валунами... Лучники невозмутимо пускают ему вслед несколько стрел, которые – все до единой – со зловещим свистом настигают жертву.

Шутить с хуннским луком не стоит. Это знают и друзья, и враги. Когда мальчик становится мужчиной, он берет в руки боевой лук и даже после смерти уносит его с собой в могилу. Колчан лука всегда связан с колчаном для стрел, словно корень и стебель. Убойность достигается за счет размаха в рост человека, а чтобы стрелять верхом на скачущей лошади было удобнее, нижнее плечо делается короче верхнего. Три зоны жесткости – в середине и на концах и две зоны упругости в изгибах плеч превращают тетиву в сжатую пружину, посылая стрелу в цель. И, как правило, у цели нет шанса.

Труп несчастного бросают перед остальными. Стрелы с чваканьем вырывают из агонизирующего тела – еще пригодятся... Утомленные пленники с тоской загнанного зверя смотрят на окровавленное тело, оскверняющее кристально чистую воду горной реки.

В суете Чжан Цянь все-таки оказывается рядом с Младой, поцелуй запечатывает почти беззвучно шепчущие уста:

– Я думала, тебя убили!

– Как сказал мой бывший слуга, я быстрее смерти. Обещаю тебе: мы дойдем до этой проклятой долины и я придумаю что-нибудь. Ты не достанешься...

Удар сзади прерывает его горячую речь. Ханец валится от неожиданности, теряя сознание. Хунн заносит над Цянем меч, но вдруг падает замертво. Над телом стоит, как всегда,

невозмутимый Гань. словно дрессированные, пленники синхронно падают на землю и закрывают головы руками. Чьи-то руки грубо хватают Младу и волокут в сторону от схватки. Чжан Цянь приходит в себя и подхватывает меч погибшего. Если умереть, то в бою!

Один жест Мо, и десятки стрел испещрят восставших, но вдруг раздается крик Дэ Мина:

– Стойте! Приказ великого лули-вана! – от волнения его голос срывается на фальцет. –

Довезти их до Эрши!

Цянь с удивлением смотрит на Ганя, сжимающего окровавленный палаш:

– Их?

– Глупый раб! Как бы ты ни хлестал плеткой своего хозяина и ни плевал ему в лицо, собачьи глаза тебя выдают! Брат великого шаньюя не настолько глуп!

Глава 7

Мудрый обычай сарматских вдов

Берега Танаиса, Сарматская кочевая держава

1

Степь похожа на небо – ее невозможно измерить и понять, ее ковыль – это Млечный Путь, а за ее молоко всегда нужно платить кровью. Степь беспощадна и одновременно прекрасна, как вспышка молнии перед пожаром...

Заряна выросла здесь и теперь жадно вдыхает пыльцу местных медоносов, закрывая глаза и возвращаясь в детство. Но чужая речь мешает. Говорят по-латински – словно сурки ругаются о чем-то перед спячкой. Марк, громила Сальвий и десять мужчин, выросших за тысячи миль к западу от матушки-степи. Все вместе они день за днем идут туда, где каждое утро рождается новое солнце; идут, чтобы стать повитухами нового мира. Дойдут ли? Степь знает ответ и шепчет его миллионами голосов. Заряна слушает, но сурки сегодня особо разговорчивы.

– Правду говорят, будто ваш народ произошел от амазонок? – Марк заставляет Заряну открыть сонные глаза и сразу же прищуриться от яркого света.

– Давно терпел, чтобы спросить?

– Готов поставить серебряный, что следующий вопрос будет про наличие правой груди, – Сальвий ускоряет своего жеребца, и вот его запах уже за правым плечом сарматки смешивается с терпким ароматом дикого пиона.

– Я не советую проверять!

– Ох, какая женщина. Огонь! Обжечься можно! – Сальвий скалит свои белоснежные зубы и не стесняется облизнуть губы, глядя на Заряну.

– Заткнись! Я слышал от понтийцев, как она рублилась под Херсонесом! – Марк куда более сдержан. Сальвию иногда кажется, что это не человек с желаниями и страстями, а ожившая статуя из холодного мрамора, которую научили языку смерти.

– Марк, у тебя встает, что ли, на кровь и кишки? Да ты болен, дружок!

– Еще одно слово – и...

Марк не заканчивает свою реплику, резко хватаясь за меч. В сотне шагов, словно из-под земли, появляются неизвестные всадники – четыре или пять десятков. Все это время их кони покорно стояли на коленях в высокой траве, а люди слушали степь и наблюдали за небесными хищниками, чтобы напасть на незваных гостей неожиданно.

– В том бою, о котором говорит Марк, погибли две сотни сарматов и скифов. Молитесь своим богам, чтобы ваши скальпы не украшали царский шатер! – Заряна выдыхает. Это свои!

– Ты не забудь, если что... Меня там не было. Я больше по части морских разборок, – Сальвий едва удерживает под собой возбужденного жеребца, учуявшего приближение течной кобылы.

– И не забудь про своего брата, Заряна! – Марк жестом показывает своим людям достать оружие.

Всадники уже рядом. Марк хорошо помнит сарматов, которых в итоге скормили львам, – эти люди из того же племени. Теперь все зависит от Заряны. Степняки ведут себя как волки, обегая добычу с разных сторон и сбивая ее с толку. Латиняне устают крутиться на одном месте, пытаясь приготовиться к отражению атаки. Но драться с ними – все равно что принять вызов от всей степи. Сарматы выкрикивают на ходу отдельные гортанные фразы, которые тяжело разобрать из-за лошадиного ржания. Но Заряна все понимает – она сперва спокойна, но потом

начинает нервничать. Марк читает эту реакцию и понимает, что ситуация вышла из-под контроля. Так и есть!

Сарматы одновременно достают арканы и с фантастической ловкостью цепляют веревками каждого из отряда. Кому-то удавка впивается прямо в шею – человек вылетает из седла и валится на траву, судорожно пытаясь пальцами зацепить веревку, чтобы не быть удушенным. Кто-то получает аркан на руку, роняя меч, а кто-то заваливается прямо вместе с конем.

– Ты решила нарушить слово? – Марку удается быстро перерубить веревку и вскочить на ноги. Он готов драться со всей этой проклятой степью.

– Убери меч! – Соплеменники не трогают Заряну. Она прыгает на землю и хватает Марка за руку. – Убери, я сказала. Я дочь царицы. Я все улажу!

Марк оглядывается по сторонам. Голова кружится от зноя и мелькающих всадников, к тому же решивших затянуть победную песню на своем безобразном наречии. Марк ловит взгляд Сальвия, побелевшего от страха и седой пыли, и почему-то не может сдержать улыбку. Наемник убирает меч в ножны.

2

Каждому путнику связывают руки, накидывают мешок на голову и бесконечно долго везут, пока сквозь грубую пеньку не будет проникать багряная свежесть заката. Зачем они это делают? Неужели думают, что люди, рожденные вне степи, способны запомнить хоть что-то после пары часов плавания по бескрайнему морю ковыля? Но сарматы осторожны: степной волк никогда не укажет врагу путь в свое логово.

Мешки снимают в загоне для овец. Свет ударяет пленникам в глаза вместе с кислым запахом животных испражнений. Пожилой сармат выдает каркающую трель и указывает рукой на единственное сухое место, свободное от навоза. Можно сесть! Сальвий расталкивает руками римских солдат и первым плюхается вниз, прислоняясь к ограде. И сразу же получает в лицо куском земли или дерьма – в такой вони сложно определить. Это дети. Они залезают на плетёный забор и громко веселятся, целясь в пленников подручными материалами. Овцы испуганно шарахаются от шума и наворачивают круг за кругом в замкнутом пространстве.

– Кинула нас, волчица, будь она неладна! – Сальвию тяжело вытирать лицо связанными руками, и он пытается уворачиваться от точных бросков будущих воинов степи. Тщетно.

– Не суетись ты раньше времени. – Дети корчат Марку рожи, но почему-то не обкидывают дерьмом.

– Да я бы и не суетился... Только вы, белые, тут как свои, а я – слишком хорошая мишень. Почему, мать их, ни одной черной овцы? – Сальвий пытается рычать на ребятню разными голосами, изображая то павлина, то бабуина. Но кого он обманывает?

3

Сарматы охотнее верят духам, чем людям – даже своим, даже самым близким. Заряна сидит в шатре перед пожилым мужчиной с одутловатым лицом и болезненным взглядом. Она никогда не была особо близка со своим отцом. Сарматы не привязываются к детям: а зачем, если степь обязательно заберет восемь из десяти? Дети не привязываются к взрослым – они уходят еще чаще в бесконечных войнах, на охоте и просто от болезней. И те и другие знают, что духи умерших витают где-то рядом в вечном хороводе жизни и смерти. А если в вечном, значит, они обязательно рано или поздно пересекутся – в небе, на земле или под водой.

– Помогите мне! Что ты знаешь о Стране восхода? Мне нужны люди, чтобы двигаться дальше! – Заряна берет отца за руку, с надеждой заглядывая в опустошенные временем глаза.

– Я знаю то, что никто там ни разу не был. Степь велика, Заряна, но даже у нее есть границы. За ними горы, песок и смерть. Туда тебя послали латиняне? – Скопасис убирает свою ладонь из рук дочери: он отвык от подобных прикосновений.

– Не латиняне! Мое сердце! Так ты дашь проводников?

– Не дам! Сегодня же эти разведчики будут казнены. Я лично сяду на коня, чтобы разорвать их на половинки, а плоть скормим псам, – Скопасис устало зевает, будто каждый день к нему возвращается дочь и ежедневно он вершит судьбы пленников.

– Очнись! Твой сын у них! Это твоя плоть! Понимаешь? Он сидит в проклятом Пергаме и ждет! – крик Заряны заставляет старика вздрогнуть и подняться на измученные ревматизмом ноги.

– Послушай меня... Атею шестнадцать зим. В его годы я с собственным отрядом громил торговцев на Меотийских болотах. Он же трусливо прятался за спиной сестры. Зачем мне такой сын?

– Ложь! Это я просила его держаться рядом! Я! Потому что люблю свою кровь, свой род и не готова бросаться близкими! – на щеках Заряны появляются слезы, ее губы трясутся. Скопасис делает тяжелый вдох и решается обнять дочь, поглаживая ее по голове.

– Ну, тише, тише. Смерть с оружием в руках – это счастье для мужчины. Даже если он не пожил. Такова воля богов, – Скопасис всю свою жизнь провел в тени супруги-царицы и никогда не понимал женской натуры – расстраиваться над могилами ушедших или ложами смертельно больных. Зачем? Человек становится прахом, у которого нет имени в веках, зато есть тысячи приключений последующих жизней. Заряна – слишком земная. Для нее человек и его прах не одно и то же!

Заряна выбегает из шатра и спотыкается о расставленные колышки, которые удерживают царский шатер. Девушка беспомощно опускается на землю и смотрит в пустоту. Из разливающихся по степи сумерек на нее надвигаются образы из прошлого: сарматка вновь ощущает боль от свежей рубленой раны на плече, она видит хорошо организованных понтийцев в добротных кожаных доспехах с вшитыми металлическими пластинами. Солдаты действуют как загонщики скота, согласованно оттесняя ее людей в сторону моря. Заряна кричит, но не слышит своего голоса. Ноги вязнут в разорванной железом человеческой плоти, глаза лихорадочно следят за последними из выживших. Атей рядом – она чувствует его детский страх и беспомощность. Брат не хочет умирать. Высоченный понтиец появляется с фланга и замахивается мечом, чтобы отобрать жизнь юноши. Но Заряна проворнее – она кидает свой щит с заостренными краями, который сносит нападающему голову. Брызги крови и тишина...

Скопасис хорошо знает о том злополучном бое: одному воину удалось избежать плена и рассказать о разгроме сарматов, потерявших лучших сынов сразу нескольких степных кланов. Вождь давно простился с детьми и даже тайком проронил слезу на могиле их матери. Но кто мог подумать, что понтийцы сохраняют жизнь юной царице сарматов, а потом отпустят ее в родные степи? Зачем? Неужели хотят проникнуть в самое сердце и нанести смертельный удар?

Скопасис плохо видит в сумерках – он щурит больные глаза и идет на голоса. Стоянка напоминает развороченный улей диких пчел: под ногами носятся скулящие собаки, тут и там мелькают факелы. Вождь знает, что дочь просто так не отступит, – сам такой. Он застаёт ее в загоне с ножом в руках: Заряна перерезает веревки на руках пленников. За ее спиной стоят сарматские воины, но они не имеют права даже рукой коснуться своей царицы.

– Заряна, пойдем в шатер. Мы не договорили! – Скопасис только сейчас замечает среди захваченных большого черного мужчину и ежится от прохладного порыва степного ветра.

– Решил сделать по-своему? Так делай! Только и меня придется убить! Давай, начинай! – глаза Заряны блестят в свете факелов, как у раненого каракала, угодившего в засаду.

– Не смей при людях!

– Все-таки ты беспокоишься о людях? Или больше о себе – какой ты в их глазах?

– Все! Молчи! Лучше бы я слушал свист тетивы, чем обиды из твоих уст! – Скопасис беспомощно закрывает уши и едва не приседает, устав от ходьбы. – Я оставлю им жизнь, но пусть сначала они оставят часть себя!

– Согласна! – Заряна, не глядя, кидает свой нож. Он застревает в заборе на расстоянии ладони от головы Сальвия.

– Что значит «часть себя»? – Сальвий испуганно трогает себя за обрубок уха. – Эй, а можно без этого обойтись?

– Заткнись и делай что скажут! – Заряна бросает на пирата властный взгляд. Сальвий виновато кивает и не без труда выковыривает из древесины брошенный нож, чтобы с поклоном вернуть его сарматской царице.

4

Для пленников все изменилось: им позволили ополоснуться дождевой водой и учтиво пригласили к большому костру, пожирающему степной сухостой. Гостей с запада рассадили в большом кругу сарматов на больших травяных циновках. Мужчины племени о чем-то азартно переговариваются, словно не замечая в своих рядах иноземцев. В нескольких метрах от большого костра на малом огне в глиняных очагах на вертеле жарится баранина – Скопасис распорядился забить нескольких животных в честь приезда дочери. По степи разливается сладкий запах мяса, привлекая к стоянке своры шакалов, с которыми в перепалку вступают местные низкорослые собаки. За спиной Марка появляется женщина с густыми распущенными волосами: она кладет руку на плечо наемника, заставляя его вздрогнуть. Марк интуитивно хватается за меч, но быстро маскирует свое движение, почесывая левый бок.

– Сдается мне, ты ей понравился, – Сальвий непринужденно улыбается, гоняясь широкими ноздрями за ароматами раскаленного бараньего жира.

Марк ничего не отвечает. Через мгновение женщина подносит мужчине серебряный кубок с вином. Сальвия трогают сразу четыре руки – две миниатюрных девушки изучают громилу с нескрываемым восторгом, осторожно нажимая пальцами на его черную шелковистую кожу. Речь сарматов журчит как ручей.

– О чем они говорят? – Сальвий замечает Заряну, которая деловито проходит мимо вместе со Скопасисом.

– О том, что ты – сын вороного жеребца и порочной женщины, – Заряна едва заметно улыбается и проходит мимо Сальвия.

– В точку! Мать точно была путаной, а вот отец... Говорят, что за него отдали целый табун!

– Брехня! Нет такого раба, который бы стоил табуна! – Марк уже сделал глоток, разом осушив кубок с виноградной брагой и охмелев с непривычки.

Сальвий хочет что-то ответить, но ровно в этот момент одна из девушек целует его в губы. Потом пробует вторая. Сальвий закатывает глаза и откровенно лапает своих новых подруг. Два пожилых сармата, сидящие рядом, словно не замечают дыхание страсти и продолжают вибрировать осипшими старческими голосами, вспоминая об удачной охоте десятилетней давности.

Заряна подходит к костру и зажигает от него факел. Голоса смолкают. Несколько десятков глаз разных оттенков – от зимнего неба до густого подшерстка степного тура, внимательно смотрят на свою юную царицу. Заряна обращается к Марку и Сальвию.

– Завтра мы выезжаем! Священный огонь очистит наши сердца и пошлет наши молитвы о защите и успехе в небеса. А теперь поблагодарите наших богов и отдайте честь вашим милостивым и щедрым хозяевам!

– Что нам нужно сделать? – Марк приподнимается, аккуратно освобождаясь от ласковых рук сарматской девы.

– Много вы уже сделали – оставили этих женщин без мужей! А теперь поработайте, чтобы наше племя не осталось без будущих воинов!

– А мне нравится такая работа! – Сальвий встает и с легкостью поднимает своими могучими руками сразу двух сарматок. Они визжат от неожиданного восторга, заставляя стариков расплываться в беззубых улыбках. – Куда идти-то?

– Отведайте сначала жертвенного мяса! Потом ступайте туда, – Заряна показывает Сальвию в сторону нескольких шатров, обильно украшенных перьями диких птиц.

– Нет. У нас не так. Сначала любовь – потом мясо! Вы это... Оставьте мне кусочек за работу, – Сальвий сверкает своими белоснежными зубами и исчезает в темноте под сбивчивое женское чирикание.

Марк провожает глазами Сальвию, сталкиваясь с взглядом немного раскосых очей степной красавицы, сидящей рядом.

– Я Марк... Как тебя зовут?

Сарматка прикладывает ладонь к своему животу. Марк не понимает ее сбивчивую речь и смотрит на Заряну.

– Ее зовут Сагила. Но ты все равно не запомнишь. Она говорит, что латиняне убили ее мужа и двух братьев. От себя добавлю – один из них был в Пергаме, – Заряна протягивает Марку грудинку, нанизанную на нож. – Его сожрали львы!

Марк хватает жирный кусок мяса руками и не знает, что с ним делать. Заряна сдержанно улыбается наемнику и подсаживается к Сагиле, нежно поглаживая ее по щеке. Девушка целует руку Заряны.

– Но ты не бойся. Наши женщины не знают, что вы латиняне. Мужчины им не сказали. Иначе бы ни один из вас не вышел живым из этих шатров, – Заряна вдруг громко щелкает зубами, заставляя Марка вздрогнуть. – Ты ешь! Силы понадобятся. Сагила выносливая, как сайгак!

Марк покорно кусает мясо, орудуя массивными челюстями. Сагила не стесняется трогать его губы пальцами, чтобы потом слизать с них остатки жира. Марк не знает, что женщинам не положено есть жертвенное мясо. Но им позволено громко кричать, чтобы боги услышали их и подарили детей. Из шатра, куда ушел Сальвий, начинают доноситься такие устрашающие вопли, что даже собаки начинают испуганно скулить. Марк поднимается сам и жестом показывает своим людям идти в сторону шатров. Солдаты слушают душераздирающие крики и недоверчиво смотрят на своих спутниц, которых приходится по две, а то и по три на каждого бойца. Степь еще долго не заснет...

Этой ночью семя дождя пролилось на благодатный ковыль – осадков здесь не было почти две луны.

На рассвете Скопасис выходит из своего шатра, чтобы собрать в ладони намокший пепел от жертвенной трапезы и намазать им лицо. Рядом с ним двое – они выслушивают лаконичные команды вождя и быстро прыгают в седла. Воины уносятся в сторону восходящего солнца, которое уже через пару часов жадно слижет ночную влагу.

Глава 8

Внучка хаоса

Пергам – столица провинции Азия

1

Внезапная смерть Александра Македонского вылилась в кровопролитную свару диадохов из-за наследства великого завоевателя. Самым удачливым – Птолемею и Селевку – достались в итоге Египет и Сирия. Первый стал фараоном новой династии, а второй наложил длань на всю Азию – от Эгейского моря до Индостана. Их потомки вот уже двести лет как ведут меж собой непрерывные войны, создают династические браки и военные союзы, убивают и предают друг друга...

Так, не вдаваясь в подробности, посвящает Митридат Эвергет своего римского друга в хитросплетения главных царствующих домов эллинского Востока в ожидании главных гостей праздника – сирийского царя Антиоха Седьмого и его супруги Клеопатры Теи.

Десятки Клеопатр произведет род Птолемеев за три столетия, пока Октавиан Август, первый римский император, не прервет эту порочную династию, но никто из них не сможет сравниться в подлости, циничности и коварстве с дочерью Птолемея Шестого.

– Ко всему тому она еще и твоя родственница? – удивляется Сципион.

– О да! И здесь тоже не обошлось без Великого Рима. Что поделаешь... – расплывается в довольной улыбке Эвергет. Похоже, его невозможно покоробить ничем. – Рим объявил прохождению Александра Баласа законным наследником трона Селевкидов, а моя благоверная признала его сводным братом. Но дальше всех пошел Птолемей, сделав Баласа своим зятем, и самозванец тут же отблагодарил его, развязав против Египта войну. Бедный Птолемей... Получил голову Баласа, но и сам скончался от ран. А дочка тут же выскочила замуж за нового сирийского царя – Деметрия. А когда и тот пропал, за его братца. Впрочем, дорогой Публий, эту историю ты прекрасно знаешь. С нетерпением хочу увидеть свою очаровательную свояченицу. Уверен, она принесет еще много сюрпризов.

– После твоих рассказов, надеюсь, она нас не разочарует, – смеется Сципион.

Эвергет оказался отличным рассказчиком и заправским сплетником, не уступающим в искусстве перемолоть кости ближнему иным сенаторам, но информация, которой он сегодня делится с римским наместником, бесценна! Не обладая информацией, нельзя эффективно управлять людьми. «Разделяй и властвуй!» – главный принцип Рима.

2

Гнетущая прохлада дворца пригвождена к каменному полу тысячами иголок голосящих цикад. Люди не знают, что слышат песни о вселенской любви, заставляющие спариваться и умирать, – их возбуждают совсем другие мелодии. Всех, но не ее! Клеопатра Тея с раннего детства убеждена, что является человеком лишь наполовину. В ее жилах течет кровь титанов: отец Теи – сам Уран, спустившийся на землю и под шумные пляски цикад овладевший ее будущей матерью. От богов ей досталось умение разговаривать на языке страсти – даже сейчас она не ступает по камням, она плывет, покачивая массивными бедрами, что прикрыты лишь полупрозрачной тканью. Сквозь эти бедра на свет уже вышли четыре новых человека, будут и еще – ведь богине нужно спариваться минимум трижды в сутки.

Красива ли она? Нет. Уран подарил ей черты лица своего отца Хаоса: сросшиеся брови, большой нос, узкие серпообразные губы и подбородок, больше напоминающий верхушку горы Парнас. Но глаза... Такого цвета вы не встретите у смертных: Клеопатра смотрит на мир сквозь фиолетовую радужку, словно кто-то смешал синеву океана с кровью погибших в нем. Так было не сразу. Девочка родилась с серыми глазами и только через год начала меняться. Придворный лекарь тогда посмел сказать, что это дурной знак – у малышки очень слабое сердце, но был немедленно отдан на съедение мастифам. Она научилась укреплять сердечную мышцу уже в двенадцать лет, когда впервые влюбилась в конюха-фессалийца. Тот парень тоже был казнен: так в жизни внучки Хаоса любовь пошла рука об руку со смертью.

Клеопатра познала множество разных мужчин и вовсе не устала от приключений. Деметрий Никатор был одним из лучших ее любовников – спокойный, но страстный, медленный, но резкий. Он был похож на весенний шторм и всегда орошал ее плоть горячей свежестью, подарив жизни двум сыновьям и дочери. Его брат-близнец Антиох внешне похож на Деметрия, но совсем другой. Ты можешь любоваться выкрутасами весеннего шторма, но негодуешь от зимнего. Да, он сильнее и даже злее, но бесконечно предсказуем и скучен. Так и Антиох: физически очень даже неплох, но напрочь лишен фантазии Эроса. Брат Деметрия не понимает призывных мелодий цикад – он идет за своей супругой и смотрит на колебания ее сочных бедер, как мореход не отрывается от маяка.

– Ну наконец-то! Как мы вас ждали! Как доехали? – радушно приветствует гостей Сципион.

Антиох неловко оттесняет жену плечом и, как положено царю, первым приветствует хозяйку:

– Слава богам! Вы, римляне, знаете толк в дорогах. Нам учиться и учиться!

Клеопатра тонко усмехается, но цепкий взгляд проконсула успевает поймать ее усмешку. «Эвергет прав! С этой бестией надо быть начеку!» – отмечает про себя Сципион, а вслух произносит:

– Не за этим вы здесь, друзья. Праздник Луперкалий – отличный повод в одном месте собраться самым влиятельным людям Азии! С нетерпением ждал возможности познакомиться с наследниками Александра Великого...

– И самой прекрасной женщиной мира! – панибратски перебивает его Эвергет, пожирая Клеопатру вожаемым взглядом. – Позволь обнять тебя, дорогая сестра, – понтийский царь, не замечая недовольного взгляда Сципиона, крепко прижимает Клеопатру Тею к себе.

«При случае придется указать этому павлину его место, а пока пусть куражится», – решает Сципион.

Эвергет, похоже, действительно решил покуражиться:

– Жаль, что компания неполная. Здесь должен быть и Митридат Парфянский, но он, похоже, до сих пор празднует свою победу!

Понтиец знает, в какую точку ударить. Антиох моментально вспыхивает: любое упоминание о Парфии выводит сирийского царя из себя.

– Не думаю, что это надолго!

– Аа, сосед? Неужто созрел план мести за брата? – не унимается Эвергет.

Видя замешательство мужа, Клеопатра понимает, что попадает в двусмысленное положение, и переводит разговор в другое русло:

– Проголодались с дороги! Владетели Пергама и Синопа пригласят нас к столу?

Сципион, словно спохватившись:

– Конечно, конечно! – широким жестом пропускает гостей вперед.

Компания движется к столам, заблаговременно уставленным яствами. Виночерпии наполняют чаши красным вином. Клеопатра выпивает залпом.

– Я слышала, что этот римский праздник отмечается в честь плодородия. Никак не могу связать эти знания и наш визит...

– Сестра, это честь, которую оказывает римский наместник в Азии. В вашем царстве с обретением престола настала весна, не так ли? Значит, это и ваш праздник, – отвечает за римского наместника царь Понта, поднимает кубок и выпивает. Клеопатра отвечает. Антиох лишь пригубливает. Сципион внимательно наблюдает за гостями.

Лицо Клеопатры порозовело, вино ударило в голову, напряжение ушло. Она откидывается на подушках и игриво смотрит на Сципиона:

– Римские дороги, римские праздники... Скоро весь мир станет римским?

– Единый мир всегда лучше, царица, – спокойно отвечает римлянин. – В нем нет места войнам и гибели близких! Я приношу соболезнования по поводу вашей потери.

– Говорят, Деметрий был сильным царем и человеком! – вновь перебивает Сципиона Эвергет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.